

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 22 МАЙ 1973

**СССР-ФРГ:
ПО ПУТИ МИРА
И СОТРУДНИЧЕСТВА**

581 - 2/15

СССР-ФРГ: ПО ПУТИ М

Москва, 18 мая. Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отбыл в Федеративную Республику Германии с визитом по приглашению федерального канцлера ФРГ В. Брандта. На снимке: во время проводов на Внуковском аэродроме. Фото В. Егорова и А. Стужина (ТАСС).

МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Бонн, 18 мая. В Петербурге состоялись продолжительные беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с федеральным канцлером ФРГ В. Брандтом.

На снимке: во время беседы.
Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльян и В. Соболева.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отбыл 18 мая из Москвы в Федеративную Республику Германии с визитом по приглашению федерального канцлера ФРГ В. Брандта.

В поездке товарища Л. И. Брежнева сопровождали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр внешней торговли Н. С. Патолитчев, министр гражданской авиации Б. П. Бугаев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

18 мая десятки миллионов людей в СССР, ФРГ и других странах наблюдали по телевидению приезд Леонида Ильича Брежнева в Бонн, а печать ФРГ широко комментировала интервью товарища Л. И. Брежнева журналу «Штерн». Боннская газета «Генераль-анцайгер» подчеркивала: «Визит Леонида Брежнева в Бонн означает начало нового этапа в советско-западногерманских отношениях». Эту же мысль отметил в своем выступлении на аэродроме федеральный канцлер ФРГ Вилли Брандт. Обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, канцлер заявил: «В эти дни мы продолжим наш диалог, который я уже теперь хотел бы назвать диалогом мирного сотрудничества». В ответном слове Леонид Ильич Брежнев, отметив, что в отношениях между СССР и ФРГ заложен хороший фундамент, сказал: «Теперь предстоит возводить на этом фундаменте прочное здание добрососедских отношений между нашими странами».

Конструктивные переговоры между Л. И. Брежневым и В. Брандтом начались буквально через несколько минут после того, как Генеральный секретарь ЦК КПСС прибыл в отведенную для него резиденцию — отель «Петерсберг».

Главным событием второго дня визита стало подписание ряда двусторонних соглашений о сотрудничестве между СССР и ФРГ. Были подписаны соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, соглашение о культурном сотрудничестве и дополнительный протокол к соглашению о воздушном сообщении между обеими странами.

Участники боннских переговоров посвятили все свое внимание самому главному, то есть обмену мнениями по наиболее насущным вопросам двусторонних отношений и обмену мнениями по проблемам мира и безопасности в Европе. В этой связи всеобщее внимание привлекли слова Л. И. Брежнева, сказавшего на обеде в Бонне 18 мая: «Видимо, есть своя логика в том, что работу по обновлению отношений между нашими странами взяли на свои плечи представители поколения, познавшего ужасы минувшей войны. Мне, как человеку, находившемуся на фронте в течение всех лет войны, особенно понятны смысл и значение этой работы. Думаю, и г-н Брандт прекрасно понимает это».

19 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев нанес визит Президенту ФРГ Густаву В. Хайнеману и имел с ним беседу, проходившую в непринужденной атмосфере.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 22 (2395)

26 МАЯ 1973

© Издательство «Правда», 1973.

Бонн, 19 мая. В министерстве иностранных дел ФРГ в торжественной обстановке состоялось подписание соглашений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии. Соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества подписали за правительство Союза Советских Социалистических Республик Л. И. Брежнев, А. А. Громыко. За правительство Федеративной Республики Германии — В. Брандт, В. Шеель.

Л. И. Брежнев и В. Брандт беседуют с журналистами.

Л. И. Брежнев передал федеральному Президенту от имени Президиума Верховного Совета СССР официальное приглашение посетить Советский Союз, которое Президент ФРГ принял.

19 мая состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с деловыми кругами ФРГ. Имел место обмен мнениями по практическим вопросам экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ФРГ. Особое внимание было уделено развитию взаимовыгодных экономических связей, рассчитанных на длительную перспективу. В беседе Л. И. Брежнев подчеркнул, что налаживание долгосрочного экономического сотрудничества ведет к укреплению доверия между государствами, позволяет более рационально использовать международные хозяйственные связи ко взаимной выгоде.

В тот же день состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с председателем свободной демократической партии, вице-канцлером и министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем.

В ходе беседы, которая прошла в духе взаимопонимания, были обсуждены некоторые международные проблемы, в том числе вопросы, относящиеся к предстоящему созыву общеевропейского совещания.

21 мая товарищ Л. И. Брежнев дал обед в честь федерального канцлера ФРГ В. Брандта. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью, в которой, в частности, отметил: «Думаю, обе стороны приложат усилия к тому, чтобы все намеченное претворялось в реальные дела, чтобы наше сотрудничество служило на пользу народам СССР и ФРГ, как и всем народам Европы». С ответной речью выступил федеральный канцлер В. Брандт, который сказал: «Мы продолжили наш диалог мира. Мы не прерываем его».

В тот же день Л. И. Брежнев был гостем премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия, заместителя председателя СДПГ Г. Кю-

19 мая. В Бонне состоялась многочисленная манифестация, прошедшая под лозунгом «За дружбу с Советским Союзом, за безопасность в Европе, за прочный мир для нашей страны».

Бонн. 21 мая здесь состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с представителями руководства Германской коммунистической партии. Во время встречи Л. И. Брежнев беседует с руководящими деятелями ГКП: почетным Президентом ГКП М. Рейманом, Председателем ГКП К. Бахманом и заместителем Председателя ГКП Г. Мисом.

на. Встреча проходила в теплой, дружеской атмосфере.

В Бонне 21 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился с представителями руководства Германской коммунистической партии. Во встрече приняли участие Председатель ГКП К. Бахман, заместитель Председателя ГКП Г. Мис, почетный Президент ГКП М. Рейман, члены Президиума ГКП М. Бушман, Г. Готье, М. Каплук, секретарь Президиума ГКП К.-Г. Шредер, председатель организации Социалистическая немецкая рабочая молодежь Р. Пример. Обращаясь к Генеральному секретарю ЦК КПСС, К. Бахман сказал: «Мы сердечно благодарим вашу партию и Вас лично за вашу деятельность на благо трудящихся. Мы рады успехам политической линии, выработанной XXIV съездом КПСС и подтвержденной апрельским Пленумом Центрального Комитета вашей партии, энергичному проведению в жизнь Программы мира». Отве-

чая на приветствия, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что КПСС будет и впредь высоко нести знамя борьбы за мир и дружбу между народами.

Затем Генеральный секретарь ЦК КПСС имел встречу с председателем Объединения немецких профсоюзов ФРГ Г.-О. Феттером и другими руководителями Объединения и отраслевых профсоюзов. В ходе беседы подчеркивалось важное значение обеспечения мира и разрядки для народов, трудящихся обеих стран и отмечалась важная роль профсоюзов в этом процессе.

21 мая в Петербурге в торжественной обстановке состоялось подписание совместного заявления о визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии. Заявление подписали: Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и федеральный канцлер ФРГ В. Брандт. Этот

документ имеет важное историческое значение, знаменует собой новый этап в развитии отношений между СССР и ФРГ по пути мира и сотрудничества.

Выступая по западногерманскому телевидению, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил: «Намеченные планы начали претворяться в жизнь. Теперь мы уже можем с уверенностью сказать, что развитие мирных и взаимовыгодных отношений сотрудничества между Советским Союзом и Федеративной республикой — это уже не абстрактная гипотеза, не теоретический план или эмоциональное пожелание, чем это казалось еще не так давно, — а вполне реальная вещь, которая существует, растет и крепнет».

22 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и сопровождающие его лица покинули Бонн и вернулись в столицу нашей Родины Москву.

Бонн. 21 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев имел встречу с руководителями западногерманских профсоюзов.

21 мая в Кенигсвинтер-Петербурге Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев и федеральный канцлер ФРГ В. Брандт подписали совместное заявление о визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ.

Выступление Л. И. Брежнева по западногерманскому телевидению.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

22 мая
Генеральный
секретарь
ЦК КПСС,
член Президиума
Верховного
Совета СССР
Л. И. Брежнев
отбыл из Бонны.
Проводы
на аэродроме.

Телефото
спец. корр. ТАСС
В. Мусаэльяна
и В. Соболева.

ВАЖНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ

Политические наблюдатели справедливо считают, что в послевоенные годы в ФРГ не было официального визита, который бы уже с момента его объявления вызвал к себе столь широкий, захватывающий интерес. Именно этот интерес заставляет главного редактора самого крупного в Западной Германии иллюстрированного еженедельника «Штерн» господина Г. Наннена заказывать специальный самолет для полета в Москву, чтобы получить беседу у Генерального секретаря ЦК КПСС

накануне предстоящего визита. Известные и влиятельные издательства, руководствуясь тем же мотивом, издадут впервые в ФРГ избранные речи Л. И. Брежнева. Сейчас в крупных магазинах Бонны эту книгу можно видеть на полках и в витринах.

Соглашения, подписанные между СССР и ФРГ, — в центре внимания местной прессы, самых широких кругов западногерманской общественности. В комментариях газет отмечается, что соглашения поставят двусторонние от-

ношения между СССР и ФРГ на прочную основу. Многие комментаторы подчеркивают, что долгосрочный характер заключенных соглашений создаст возможности для дальнейшего научно-технического планирования и в экономической области для реализации крупных проектов. Важность соглашений об экономическом, промышленном и научном сотрудничестве многие комментаторы видят в том, что они ставят экономические отношения Советского Союза и Федеративной респуб-

ки на более высокую ступень — сотрудничества и кооперации.

Все главные встречи и переговоры проходят в резиденции канцлера в Бонне и в отеле «Петерсберг», отведенном под резиденцию Генерального секретаря ЦК КПСС. Отель «Петерсберг» расположен в одном из самых живописных мест Рейнской долины — в Зибенберге (Семигорье). С террасы отеля открывается вид на Рейн, по которому время от времени скользит ставшая здесь популярной наша советская «Ракета».

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИВАН СТЕПАНОВИЧ КОНЕВ

21 мая 1973 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, выдающийся военный деятель, талантливый полководец, дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни один из активных строителей Советских Вооруженных Сил, участник гражданской войны и прославленный герой Великой Отечественной войны, вся жизнь которого является ярким примером беззаветного служения социалистической Родине, делу коммунизма.

И. С. Конев родился в 1897 году в деревне Лодейно Подосиновского района Кировской области в семье бедного крестьянина.

Еще подростком он начал свою трудовую деятельность. В первую мировую войну И. С. Конев был призван в армию и принимал участие в революционном движении солдатских масс.

После Великой Октябрьской социалистической революции Иван Степанович ведет активную работу по организации Советской власти у себя на родине. В 1918 году И. С. Конев навсегда связывает свою судьбу с Коммунистической партией и добровольно вступает в ряды Красной Армии. Военный комиссар бронепоезда, а затем бригады и дивизии — И. С. Конев сражается против Колчака и японских интервентов. Будучи делегатом V Всероссийского съезда Советов и X съезда РКП(б), участвует в подавлении мятежа левых эсеров в Москве и белогвардейского мятежа в Кронштадте.

После окончания гражданской войны И. С. Конев продолжает службу в должностях комиссара дивизии и корпуса. В 1926 году успешно заканчивает курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии имени М. В. Фрунзе, а в 1934 году — особый факультет этой же академии. В предвоенные годы он командовал полком, дивизией, корпусом, армией, войсками Забайкальского и Северокавказского военных округов.

Организаторский и полководческий талант, выдающиеся способности И. С. Конева особенно ярко раскрылись в суровые годы Великой Отечественной войны, когда он командовал войсками Западного, Калининского, Степного, 1-го и 2-го Украинских и ряда других фронтов. Войска, возглавляемые И. С. Коневым, провели ряд крупных операций в ходе Великой Отечественной войны и нанесли тяжелые поражения гитлеровским захватчикам на Украине, на территории Польши и Чехословакии, в Берлинской операции, увенчавшей великую победу советского народа над фашизмом.

После войны И. С. Конев занимает посты главнокомандующего Сухопутными войсками, главного инспектора Советской Армии, первого заместителя министра обороны СССР. С 1955 по 1960 год И. С. Конев является главнокомандующим Объединенны-

Визит Леонида Ильича и уже достигнутые практические результаты в ходе переговоров на высшем уровне с глубоким удовлетворением встречены местной общественностью. Об этом свидетельствуют состоявшиеся в Бонне массовый митинг и грандиозная манифестация трудящихся Федеративной республики. Это была впечатляющая демонстрация трудового народа Федеративной Республики Германии за мир, безопасность и сотрудничество в Европе, за добрососедские отношения между СССР и ФРГ. Митинг и манифестация прошли под лозунгами: «За дружбу с Советским Союзом, за безопасность в Европе, за прочный мир для нашей страны».

Дюссельдорфская газета «Дойче фолксцайтунг» подчеркивает: «Визит Генерального секретаря ЦК КПСС в ФРГ расценивается в Федеративной республике как важнейшее событие 1973 года». В другом номере та же газета пишет: «Боннские беседы не являются уравнениями с неизвестными — и в том, что касается человека, возглавляющего советскую делегацию, и в том, что относится к политике, осуществляемой от имени Советского Союза. У Вилли Брандта и его окружения будет собеседник, который при всем дипломатическом мастерстве на протяжении многих лет без камуфляжа говорит о своих политических намерениях».

«Нынешний визит Л. И. Брежнева в рейнскую столицу пользуется широким одобрением», — пишет западногерманская «Вестфеллише рундschau». — У обеих сторон много доброй воли и оптимизма для того, чтобы развивать разумные и нормальные отношения».

Визит Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии приветствуется подавляющим большинством населения ФРГ, и не только ФРГ. Он вызвал самый широкий и самый благоприятный отклик в широких кругах мировой общественности.

Д. ГУДКОВ,

Кёльн, по телефону, АПН специально для «Огонька».

Н. В. Подгорный и Мухаммед Захир Шах обходят строй почетного караула.

Телефото спец. корр. ТАСС Л. Портера.

ВИЗИТ Н.В.ПОДГОРНОГО В АФГАНИСТАН

21 мая Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прибыл в Кабул. Его встречали король Афганистана Мухаммед Захир Шах, маршал Сардар Шах Вали, премьер-министр и министр иностранных дел Мухаммед Муса Шафик и другие официальные лица.

В тот же день король Афганистана дал обед в честь высокого советского гостя. На обеде король Мухаммед Захир Шах и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный обменялись речами.

ми вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора.

Необыкновенно яркую жизнь коммуниста, воина и патриота прожил И. С. Конев. Он был делегатом ряда партийных съездов, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. До самых последних дней своей жизни он вел большую работу по героико-патриотическому воспитанию советских людей, особенно молодежи.

Высокие партийные и деловые качества, беспримерное мужество и героизм в борьбе с врагами нашей Родины, теплота и чуткость к людям снискали И. С. Коневу любовь и уважение советского народа и воинов Вооруженных Сил.

Выдающиеся заслуги И. С. Конева высоко оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Победы, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, Красной Звезды. И. С. Конев удостоен звания Героя ЧССР и Героя МНР, награжден многими орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.

Светлая память о верном сыне ленинской партии, мужественном воине и талантливом полководце Иване Степановиче Коневе навсегда сохранится в сердцах воинов Армии и Флота, всех советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Г. Ф. Сизов, Л. В. Смирнов, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, В. Ф. Толубко, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, А. Н. Комаровский, Н. Н. Алексеев, А. Т. Алтунин, И. Х. Баграмян, С. М. Буденный, А. М. Василевский, Ф. И. Голиков, Г. К. Жуков, П. К. Кошевой, В. И. Чуйков, Е. М. Тяжельников, М. П. Георгадзе, Л. И. Греков, В. Ф. Проmysлов, М. С. Смиртюков, Н. И. Савинкин, С. М. Штеменко, П. И. Ефимов, И. Н. Шкадов.

ПРОБУДИВШИЙСЯ КОНТИНЕНТ

Анатолий НИКАНОРОВ

...Мне снова
твой грохочет водопад,
Своим тамтамом оглашая своды,
Ко всем взывая,
Кто тебе несет
Свою любовь,
О, Африка Свободы!
Для всей земли
Встает твой новый день,
И жаркий хлеб твой
Дружбу обещает!

Эти стихи написаны нигерийским поэтом Клиффордом Вокача в честь независимости, обретенной его страной. Африканских художников и поэтов вдохновляют перемены, происходящие в жизни их континента. Свобода приходит в Африку. Путь ее труден и сложен. Ибо тяжело наследство, оставленное колониальным прошлым. Судите сами: Африка дает 75 процентов мировой добычи золота, но многие ее жители не знают, как превратить железную руду в чугун и сталь. Она может затопить электрическим светом почти полмира, но только двумя процентами исчисляется ее энергодобыча. Она могла бы прокормить всю планету, однако половина ее населения либо голодает, либо недоедает. Национальный доход на душу населения в Африке почти в пятнадцать раз ниже, чем в индустриально развитых странах. Средняя продолжительность жизни африканца едва достигает 30—40 лет. Как же покончить с отсталостью, нищетой?

И даже когда в 1960 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, на карте Африки стали стираться цвета метрополий, империалисты не сложили оружия. Они изобрели другие формы угнетения и грабежа — неоколониализм. Противостоят ему, укрепить завоеванный суверенитет, распространить движение за свободу на весь континент мог только общий фронт независимых государств. Их руководители, собравшись в Аддис-Абебе, создали Организацию африканского единства (ОАЕ). Это произошло 25 мая 1963 года. Десять лет назад. И каждый год этот день отмечается как День освобождения Африки.

ОАЕ, в состав которой входит 41 государство, — крупнейшая международная организация, провозгласившая своей целью окончательное освобождение африканского континента от колониализма и расизма.

...Я стою на мосту. По нему проходит граница между Африкой освободившейся и Африкой все еще угнетенной. На мосту у водопада Виктория. Это рубеж между независимой Замбией и расистской Родезией. Я вижу, как с той стороны идет с чемоданом на плече африканец. Останавливаю его и спрашиваю: «Зачем там был? Почему вернулся?» «Я жил в Анголе. Когда к нам в деревню пришли вербовщики из рудников, они обещали: приедете в Южно-Африканскую Республику, будет вам работа, деньги. Наша семья, как и многие другие, голодала. Может, попытать счастья? Решился. Довезли до места. Поселили в барак. Рано утром спустили в шахту. Поздно вечером подняли наверх. И так три года с лишним. Похоронил там друга. Сам чуть не отдал концы. Решил выбираться. Едва скопил лишь на дорогу до Солсбери...»

...Ангола. СИР — центр революционной подготовки. На одном из деревьев, окружающих стол, за которым проходят политические занятия, висит календарь. Вверху надпись по-португальски: «Революция в Анголе». Ниже, на черном фоне, — контурная карта Африки. Красным пятном на ней обозначена Ангола. Сбоку от карты цифры: 1970. 10-й год. Внизу — отрывные месячные листки. Почти на каждом выделены знаменательные даты событий. 4 февраля 1961 года — восстание в Анголе; 21 января 1963 года — начало вооруженных действий в Гвинее (Бисау); 25 сентября 1964 года — открытие военного фронта в Мозамбике. И еще одна дата отмечена в этом календаре: 7 ноября 1917 года — Великая Октябрьская социалистическая революция.

Да, истоки национально-освободительного движения в Африке восходят к началу нынешнего столетия. Социалистическая революция в России, затем рождение мировой социалистической системы оказали решающее воздействие на подъем борьбы за национальное освобождение африканских народов. И отнюдь не случайным, а логическим продолжением принципов ленинской международной политики стал акт Советского правительства, внесшего в ООН проект Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. С тех пор 1960 год называют «годом Африки», потому что именно тогда начался процесс ломки колониальных империй. Борьба не закончена. Более чем тридцати миллионам африканцев еще отказано в праве на независимость. Они завоевывают ее с винтовкой в руках.

Когда я разглядывал тот календарь в ангольском СИРе, рядом со мной стоял боец. Он тоже когда-то работал на рудниках ЮАР, потом на плантациях в Южной Родезии. Ему было всего двадцать шесть лет, а выглядел он за сорок. Он понял, что смирение равносильно гибели, и ушел в партизаны. Может быть, сейчас где-то в джунглях шагает с автоматом и тот африканец, которого я видел на мосту у водопада Виктория?

Нет мира в «заморских провинциях» Лиссабона. Повстанцы пядь за пядью отбирают свою землю у угнетателей. Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), Африканская партия независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) добились весьма зримых успехов в своей борьбе.

В разные годы я бывал на всех трех фронтах Лиссабона в Африке. Пройдя сотни километров с партизанскими отрядами МПЛА, ФРЕЛИМО, ПАИГК по освобожденной земле, могу засвидетельствовать: дни господства португальских колонизаторов сочтены.

Особенно важным в истории национально-освободительного движения был 1972 год: состоялась выездная сессия Совета Безопасности ООН, посвященная вопросам ликвидации остатков колониальных и расистских режимов. В Конакри, Лусаке и Аддис-Абебе проходила выездная сессия специального комитета ООН по деколонизации. На основе докладов, подготовленных во время этих сессий, в ноябре 1972 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, решительно потребовавшую от Португалии вступить в переговоры с национально-освободительными силами Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау) о предоставлении не-

зависимости этим колониям. Одновременно Совет Безопасности единогласно принял резолюцию, в которой признал неотъемлемое право народов «заморских провинций» Лиссабона на самоопределение и законность их борьбы под руководством МПЛА, ФРЕЛИМО, ПАИГК.

Я видел, как в освобожденных районах функционирует народная власть, как избавленные от рабской эксплуатации крестьяне трудятся на своих полях, как работают в лесу школы для детей и взрослых, как людям, не знающим запаха йода, делают прививки от лихорадки и малярии.

Для португальской буржуазии потерять «заморские провинции» в Африке значит лишиться источников доходов. Именно поэтому она держит там 170-тысячную армию карателей, не останавливается ни перед какими преступлениями. Одним из последних, всколыхнувшим весь мир, было убийство руками наемников генерального секретаря ПАИГК Амилкара Кабрала. Как и в 1969 году, когда погиб председатель ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане, лиссабонская разведка и военщина надеялись с помощью гнусных террористических актов дезорганизовать национально-освободительное движение, внести смятение в его ряды. Но как и тогда, их расчеты провалились. Каждый день из Гвинеи (Бисау) приходят сообщения об активизации вооруженных действий, о новых успехах патриотов.

Помимо империалистических держав, стремящихся вернуть былые позиции в Африке, у Лиссабона есть и другие союзники — правительства белого меньшинства ЮАР и Южной Родезии. «Дьявольский альянс» колонизаторов и расистов цементируется и приобретает реальные формы. Тут и военное, и экономическое, и политическое сотрудничество.

Есть и еще один враг у народов, населяющих африканский континент, — Израиль. Правительства из Тель-Авива стремятся ликвидировать прогрессивные арабские режимы, затормозить национально-освободительное движение на континенте.

Однако происходящие на нем процессы необратимы. Разгадав истинную подоплеку так называемого «диалога» — идейки, подброшенной империалистическими кругами, — между независимыми странами и расистскими правительствами, Африка решительно отвергла его. Осознав экспансионистский характер политики Тель-Авива, многие государства Африки порвали дипломатические отношения с Израилем и стали расширять всестороннее сотрудничество с арабскими странами.

В своей битве Африка всегда пользовалась и пользуется поддержкой Советского Союза. Почти в любой независимой африканской стране сейчас можно встретить советского специалиста. При содействии СССР на взаимовыгодной основе построены или строятся десятки крупных объектов.

...Аддис-Абеба, столица Эфиопии, готовится к проведению десятой, юбилейной Ассамблеи глав государств и правительств Организации африканского единства. Со дня своего основания ОАЕ сыграла большую роль в мобилизации континента на борьбу за ликвидацию колониализма и расизма. Но ей предстоит еще немало сделать для окончательной победы. И, судя по опыту первого десятилетия, эта благородная цель будет достигнута.

Н. Овечкин. ПОРТРЕТ ПРЕЗИДЕНТА ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА СОМАЛИЙСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ МОХАМЕДА СИАДА БАРРЕ.

Н. Бут. СОЛДАТ АРМИИ СОМАЛИЙСКОЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Н. Бут. ЗЕЙНАБ.

Н. Бут. СОРТИРОВЩИЦЫ НА ЗАВОДЕ В ДЖОУХАРЕ.

Н. Овечкин. ЛЕЙТЕНАНТ МОХАМЕД ЯШЕН ХАСАН —
КОМАНДИР ТАНКОВОЙ РОТЫ.

Н. Овечкин. НА УРОКЕ В ШКОЛЕ.

ЮНОСТЬ ВЕНГРИИ

Не так давно на книжных прилавках появился новый номер журнала «Детская литература» — особый, целиком посвященный детским книгам Венгерской Народной Республики. Они стали привычными, эти специальные номера: до этого вышли о литературе для детей Чехословакии, Болгарии, ГДР. Первое же знакомство с венгерским номером подтвердило, что это не просто отчетные юбилейные выпуски.

Открывающийся добрыми напутственными словами Первого секретаря ЦК ВСРП товарища Яноша Кадара, сказанными им в анкете, предложенной журналом, апрельский номер впечатляет широтой охвата явлений венгерской детской литературы, ее истории, современности, прогнозов на будущее. В нем есть все — от статистики до проблем. Мы узнаем, в частности, что в Венгрии 1 миллион 200 тысяч юных читателей и одно центральное книгоиздательство для детей имени Ференца Мора, и в то же время приглашены соучаствовать в обсуждении животрепещущих тем, волнующих сегодня венгерских писателей и педагогов, приобщиться к серьезным вопросам, решаемым литературоведами страны.

Трудно даже перечислить тезисы этого большого разговора на журнальных страницах, отразившего сложную и интенсивную жизнь, которой живет нынешняя детская литература Венгрии: тут и связь традиций с современностью, истонки литературы, у которых стоял народный герой Венгрии, величайший поэт-революционер Шандор Петефи; проблема новейших «сочиненных» сказок, их место в ряду литературных форм; акселерация подростков и ориентация детских книг; издания приключенческого характера, научно-популярные книги; взаимовлияние советской и венгерской детской литературы — и многое другое.

Помимо писателей, педагогов, деятелей просвещения Венгрии, в журнале выступают и советские литераторы. Лауреат Ленинской премии Сергей Михалков представляет читате-

лям крупнейших прогрессивных поэтов и прозаиков досоциалистической Венгрии, писавших для детей. Переводчики с венгерского делятся мыслями об особенностях работы над произведениями классиков.

Познавательная ценность номера усиливается включением в него материалов о критике детской литературы в венгерской периодической печати, о детских газетах и журналах, о государственном кукольном театре, о художниках книги.

Тепло воспримет читатель слова товарища Я. Кадара, сказавшего в своей анкете-приветствии, что «подобные выпуски могут в значительной мере способствовать обогащению общей международной сокровищницы социалистической литературы и культуры». Впереди волнующие встречи с детской литературой Кубы, Польши, Румынии и других стран. Но сейчас родился венгерский номер «Детской литературы», и выход его — это новый праздник содружества литератур социалистических стран, продолжение прекрасной традиции.

О. ГЛИНКИН

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апрель 1973

МЕЧТА СБЫЛАСЬ...

В Москве по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки находилась делегация Партии единства и национального прогресса (УПРОНА) Бурунди. Вот что рассказал нашему корреспонденту Ю. Свердлову глава делегации Кидомо Клеман, генеральный директор Дома партии.

Я и другие члены делегации партии УПРОНА — Симбаре Касьен, заместитель директора департамента прессы и информации Дома партии, Муранго Ансельм, директор правительственной типографии, — впервые в Советском Союзе. Мы много слышали об огромных достижениях Страны Советов в деле претворения величественной программы строительства коммунистического общества. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мы давно мечтали побывать в СССР. И вот наша мечта сбылась. Бурунди расположено в самом сердце Африки. И хотя нас разделяют тысячи километров, для настоящей дружбы не существует расстояния. Наш народ хорошо помнит, что Советский Союз в числе первых стран мира вскоре после провозглашения независимости Бурунди в июле 1962 года заявил о признании его в качестве суверенного и независимого государства. Бурундийцы высоко оценивают принципиальную, твердую позицию СССР, который, следуя заветам Ленина, оказывает широкую поддержку независимым странам и национально-освободительным движениям в Африке. Со своей сто-

роны, мы постоянно проявляем бдительность перед лицом происков империалистов и их агентов из числа реакционеров. Бурундийский народ, сплоченный вокруг Партии единства и национального прогресса и лидера нашей революции полковника Мишеля Мичомbero, дает сокрушительный отпор попыткам изменить политическую ситуацию в стране. У нас принимаются решительные меры для искоренения всех остатков феодализма, оплота режима монархии, с которой было покончено в ноябре 1966 года. Феодализму и монархии нет и не может быть места в Республике Бурунди!

Позвольте мне через журнал «Огонек» передать советским людям пожелания счастья и успехов в строительстве коммунизма, в их созидательном труде. Наш народ гордится отношениями дружбы и сотрудничества между Бурунди и великим Советским Союзом. Мы выражаем глубокую благодарность советскому народу за братскую помощь, поддержку и солидарность с народами Африки, ведущими неустанную каждодневную героическую борьбу против нашего общего врага — империализма.

рых и дорогих гостей, особенно когда узнавали, что мы из Советского Союза.

Знаменательно, что именно советским художникам выпала честь впервые приоткрыть гражданам новой республики окно в большое искусство. И мы старались все сердце, душу, умение вложить в свои картины, которые посвящали Родине.

Мы находились в стране и в тот день, когда вышел первый номер газеты на родном языке. Расхватали ее мгновенно. Газету держали в руках все — и грамотные и вовсе не умеющие читать. И вот рисунки, запечатлевшие незабываемый день: военные, подростки, старики, девушки с газетой в руках; маленький чистильщик сапог учит грамматику, сидя на мостовой... По этим рисункам хочется создать полотно, достойно повествующее о большой культурной победе сомалийского народа.

Сегодня, вернувшись домой, мы в своих московских мастерских работаем над картинами о Сомали. И так хорошо, что привезенный оттуда натуральный материал бережет живое дыхание обновленной африканской страны.

И не только в переносном, но и в прямом смысле: художники говорят, что, если дотронуться до поверхности холстов, над которыми они работали в Могадишо и окрестностях, ладонь ощутит вкрапленные в масляный живописный слой песчинки, — их нанесли всепроникающие, горячие ветры Сахары, от которых в Сомали невозможно было укрыться... Ветер рвал подрамники, случалось даже, что от сильного порыва недописанный холст падал в песок.

Даленой, доброй, гостеприимной стране Н. Бут и Н. Овечкин готовят сегодня подарок — выставку картин, посвященных ее народу. Эту выставку намечается открыть в столице Сомали — Могадишо. И тогда состоится новая встреча сомалийских зрителей с прекрасным, правдивым искусством их большого друга — Советского Союза.

Е. СТЕПАНОВА

ДРУЗЬЯМ
В ПОДАРОК

Девушка, одетая в школьную форму, пишет на доске мелом латинскими буквами слово «Somali». Улыбается белозубой, счастливой улыбкой юный солдат армии Сомалийской Демократической Республики. Поют негромко занятые своим делом работники завода в Джоухаре. Решительно и уверенно смотрит в будущее президент Верховного революционного совета Мохамед Сиад Барре...

В конце прошлого года сорок пять дней гостями Сомали были советские художники-грековцы Николай Бут и Николай Овечкин. На плантациях, в школах, на предприятиях, в военных частях побывали они за это время. Везде не расставались с кистью, карандашом, фломастером, запечатлевая картины новой жизни дружественной африканской страны. Особенно много писали художники портретов простых граждан, рядовых военнослужащих, государственных деятелей молодой республики. Более чем двести работ было создано тогда. Тут и этюды, и мгновенные зарисовки, и завершённые холсты, обстоительно написанные непосредственно с натуры.

— Едва вступив на сомалийскую землю, — рассказывают художники, — мы сразу увидели, насколько сегодняшняя Африка не похожа на угнетенную колонию. Во всем ощущается стремительность в будущее, повсюду огромные, знаменательные перемены, атмосфера трудового энтузиазма и обновления. Хотелось как можно больше, полнее, выразительнее рассказать об этом в картинах, передать все, что мы видели, показать жизнь, облик, характер доброго, симпатичного, открытого сердцем, трудолюбивого народа Сомали. При этом ответственность была огромная. Но искусство помогало устанавливать контакты, понимать друг друга. Когда начинало из мазков краски или штрихов фломастера на холсте или на листе бумаги возникать знакомое темное лицо, радость, оживление, изумление охватывали зрителей. Благодарности не было границ! И повсюду: в школах, деревнях, на городских улицах — нас встречали как доб-

Молния!

Душанбе — Иваново!!!

Разна! Совет

вызвала на соревнование

Юрия Лизина

Вызов принят!

Больше пряжи отличного

Важная новость!

Встреча на Ивановском вокзале.

У машины — Ашура Рахмонова.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Г. АЛЕКСАНДРОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Д

ва года назад был заключен договор о социалистическом соревновании между Душанбинским текстильным комбинатом и Ивановской прядильно-ткацкой фабрикой имени Балашова. Не раз посланцы ивановских прядильщиков бывали в Душанбе. Зоя Маслова, например, целую неделю работала в одной из бригад, и теперь, после урока, полученного у Зои, бригада стала одной из лучших на комбинате. А Люда Беседина из Душанбе решилась принять предложение Зои соревноваться: работает она, «наступая на пятки» своей ивановской подруге...

Душанбинский текстильный комбинат — современное, прекрасно оборудованное предприятие. Но долгое время сказывалось отсутствие опыта: производительность труда была ниже, чем у ивановских прядильщиков, да и организация труда хромала... В прошлом году в Душанбе отправилась большая группа специалистов с фабрики имени Балашова во главе с директором А. И. Курчаковой. Лучшие прядильщицы показывали свои приемы обслуживания машин, инженеры и экономисты поделились опытом научной организации труда, а наладчики помогли установить и отрегулировать 320 станков.

Результаты не замедлили сказаться: дела на комбинате значительно улучшились, и с плановым заданием он справляется. Но душанбинцы пошли дальше: пусть соревнуются бригада с бригадой, а комплект с комплектом, решили онк. И послали в Иваново помощника мастера Рахмата Солиева.

— Рады вас видеть у себя! — приветствовала Рахмата директор фабрики имени Балашова Антонина Иосифовна Курчакова. — Как доехали! Как встретили девчата!

Рахмат поблагодарил за радушный прием и тут же перешел к делу:

— В нашем комплекте двадцать человек. Обслуживаем тридцать шесть пря-

ДУШАН

Юрий Либин, Зоя Маслова и Рахмат Солнев.

БЕ - ИВАНОВО

За самоваром встретились друзья!

дильных машин. За сутки даем тысячу триста килограммов пряжи. Хочу вызвать на соревнование помощника мастера с вашей фабрики. Хотелось бы, конечно, чтобы силы наши были равны — тогда будут сравнимы и показатели.

— Ну что ж, думаю, что у нас найдется помощник мастера, который примет ваш вызов на соревнование. Ну вот хотя бы Юрий Либин... С ним вы встретитесь в цехе. А пока ходите по фабрике. Чем богаты — поделимся, что не понравится — подскажите, будем благодарны.

Первое знакомство с фабрикой заставило о многом задуматься и в то же время порадовало. От старой фабрики остались одни стены, а «начинка» не хуже, чем на Душанбинском текстильном комбинате. Одно плохо: цехи расположены на четырех этажах, и технологический цикл, если так можно выразиться, вертикальный, а в Душанбе — горизонтальный, так как комбинат одноэтажный. Но по части организации производства, уровня мастерства прядильщиц, сьемщиц и планочниц — тут уж, бесспорно, ивановцы впереди.

И вот встреча с Юрием Либиним. Познакомились.

— Потолкуем после смены! — перекрывая грохот машин, крикнул Юрий.

Вечером встретились в красном уголке, чтобы подписать договор на соревнование. И тут кто-то из девушек заметил:

— Подписать — это дело нехитрое. Надо все взвесить: как будем учитывать выполнение обязательств, сравнимы ли наши показатели... А то ведь получится сплошной формализм. Так сказать, соревнование для «галочки».

Реплика вызвала оживление. В самом деле, не будет ли формальным этот договор, что он даст таджикским и ивановским текстильщикам? И вот идет вдумчивый, серьезный разговор людей, тщательно взвешивающих свои силы. Все прекрасно понимают, как много может дать взаимное трудовое соперничество, если к нему правильно подойти.

Рахмата атакуют вопросами: сколько в комплекте машин, сколько веретен, какой номер пряжи делают? Уж если соревноваться, так на равных.

— А какой у вас хлопок? — спросил Либин.

— Ферганский.

— У нас тоже ферганский.

— А машины ташкентские? — поинтересовалась Галя Опарина.

— Ташкентские, как и у вас. Правда, немного мощнее.

— Веретена снимаете кассетами?

— Нет, вручную.

— А как убираете хлопок с пояза?

— У нас механический обдув, — отвечает Рахмат.

— А мы все еще шваброй орудуем. Придется ваш опыт позаимствовать...

— Видите, что получается, — подвел итог Юрий. — У Рахмата тридцать шесть машин, у нас сорок. Машин у нас больше, но у них они мощнее. Так что силы наши, пожалуй, равны. А насчет уборки хлопьев... Я так считаю: мы же обязались внести пять рационализаторских предложений, вот и давайте думать вместе... Одним словом, соревноваться можно. Как считаете, девчата: примем вызов душанбинцев?

— Примем!

В тот же день был подписан договор о социалистическом соревновании между комплектами Рахмата Солиева и Юрия Либина.

ДОГОВОР ПОДПИСАН. НО ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО ДЕЛА. «ОГОНЕК» БУДЕТ СЛЕДИТЬ ЗА ХОДОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ ДУШАНБЕ И ИВАНОВА. МЫ РАССКАЖЕМ ЧИТАТЕЛЯМ О ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ, О ТЕХ, КТО ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ, И КАК ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ПОМОГАЮТ ОТСТАЮЩИМ.

ЛЮДИ ПОЛЕЖАЕВСКОЙ СТОРОНЫ

Рассказы и повесть Леонида Фролова печатались в журналах «Юность», «Наш современник» и недавно вышли отдельным изданием. Автор хорошо знает сельский быт, остро чувствует проблемы современной деревни, поэтому и картины выходят из-под его пера выпуклыми и зримыми.

Вот один из характеров — Алевтина (рассказ «Алевтиныно гостеванье»). Приезжает она погостить к матери, где все ее, родное, где все ей до боли знакомо и близко, но близость эта уже призрачна. Алевтина и сама не заметила, куда подевалось все то, что связывало ее с привычными устоями, как получилось, что она даже в родительских стенах, под материнским кровом чувствует себя чужой. Не догостив, Алевтина без сожаления уезжает к мужу, хотя чувствует, что и там ей неуютно. Поэтому она и дерзит свекрови, неласкова с матерью, неприкрыто зло и обидно изводит свою бывшую подружку Нюрку, понимая, что в конечном счете мстит себе

же за свое, судя по всему, неудачное замужество, за свою неудавшуюся жизнь.

А вот Мария (рассказ «Заря») — полная противоположность Алевтине. Мария умеет и за себя заступиться и за общее дело порадовать. Она ощущает себя хозяйкой на своей земле, и это дает ей право жить открыто, бескомпромиссно.

Основное же место в сборнике занимает повесть «Полежаевские ягоды». Можно по-разному видеть мир: в радости — розовым, в беде — черным, в горе — серым. Тогда все прочие краски как бы блекнут.

Игнату Дресвянину, скажем, хотелось бы видеть все только в розовом, чтобы тешить себя надеждой, что в мире все так, как того хочет он сам, Дресвянин. Игнат даже все предметы в доме покрыл красной краской: «и пол, и комод, и заборну, и стол, и лавки — пусть играет заря».

Но это всего лишь мираж, красивый самообман, хотя, казалось бы, в жизни Игната все устроено прочно и сам он стоит крепко, как и его изба, перевезенная в Полежаево из Скоморошья. Что-то изменилось в окружающем его мире, но Игнат Дресвянин никак не может понять, что произошло

и почему это произошло... Он по-прежнему исправно бригадирует, не чурается никакой работы, правит в Полежаеве порядки, чтобы все было хорошо. Но нет, по его мнению, порядка ни в собственном доме, ни на полежаевской улице.

Люди стали жить как-то иначе, неподвластно, что ли, ему, Игнату Дресвянину, и он потихоньку тиранит их, впрочем, убежденный, что творит благо. И ведь вот что интересно: объективно бывает Игнат прав. Нельзя, например, дать Варваре Беловой фиктивную справку для райсобеса, что она нянчила сестриних ребятишек? Нельзя. Надо, чтоб все было по закону.

А ведь произошел-то всего-навсего небольшой юридический казус: Варвара Белова уехала к дочери из деревни до того, как колхозникам стали начислять пенсии, и теперь она, без мала проработавшая полвека, вынуждена наряду с другими женщинами тяготы войны и первого послевоенного десятилетия, оказалась между двух берегов: не рабочая (поздно уже), но уже и не колхозница. Но, попав в беду, она не видит мир только в черном свете. Случается, и погорюет, и всплакнет, и оглянется в про-

шлом, тем не менее одна краска не затмевает для нее другую.

Радоваться бы и Игнату Дресвянину: война почти не коснулась его, и в доме все окрашено в красное, чтоб играла заря и на душе было светло, а видится ему все-таки мир не очень привлекательным. Дело в том, что Дресвянин тяжело болен — у него общественный дальтонизм.

Линия Игната Дресвянина в повести Л. Фролова «Полежаевские ягоды», может быть, и не самая главная, но автор подметил в жизни интересное явление, когда доброе начало, заложенное в человеке, не созвучно уровню общественной жизни и как бы развивается в обратном направлении, постепенно перерождаясь в свою противоположность.

В предисловии к сборнику Юрий Нагибин пишет: «У Леонида Фролова есть своя тема, свой собственный, а не заимствованный жизненный опыт, он умеет распоряжаться словами, сочными и крепкими, как антоновское яблоко, его ждет большая и достойный литературный путь».

Вячеслав ПАЛЕНОВ

Леонид Фролов. Полежаевские ягоды. «Современник». М., 1972.

ШТУРМ ЛЕДЯНОГО ВАЛА

В журнале «Огонек» № 9 за нынешний год был опубликован очерк писателя Михаила Андриасова «Штурм ледяного вала». В нем рассказывалось о героическом подвиге, совершенном гвардейцами второй роты сто тридцатого полка сорок четвертой дивизии в январе 1943 года на станции Красновка, Ростовской области. Тринадцати воинам этой роты посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Рассказ о гвардейцах вызвал оживленные отклики наших читателей. Одним из первых прислал в редакцию письмо участник Великой Отечественной войны, инженер из города Реж Владимир Николаевич Шалюгин.

«С интересом прочитал я в «Огоньке» «Штурм ледяного вала», — пишет тов. Шалюгин. — В этом рассказе воскрешаются незабываемые страницы сорок третьего года, описываются героические бои, которые вели тринадцать гвардейцев, ценой своих жизней обеспечившие освобождение станции Красновка — важного узла сопротивления фашистов. Это выдающийся подвиг, о котором, по существу, впервые рассказано так обстоятельно и так взволнованно. В числе героев-гвардейцев был молодой красноармеец Иван Полухин. Автор пишет, что Полухин — уроженец Орловщины. Это точно, он родился и жил там. Но перед войной Иван жил и работал в селе Голендухино, Режевского района,

Свердловской области. Здесь он был призван в Красную Армию, и жители города Режа считают Ивана своим земляком, знают о его подвиге и гордятся им».

Тов. Шалюгин вместе с письмом прислал в редакцию книгу, изданную Свердловским издательством. Это сборник о городе Реже и его лучших людях. Книга так и называется — «Реж». Из нее мы узнаем, что память об Иване Полухине, как и о других гвардейцах в других городах, также увековечена в Реже. Его именем названа одна из улиц города.

А вот выдержки из письма Героя Советского Союза, бывшего офицера Сергея Андреевича Долинского: «В моем родном городе Ростове-на-Дону на одной из площадей укреплен плакат: «Родина-мать», — и каждый, кто проходит мимо, читает волнующие слова: «Ценою слез и материнской боли война была оплачена сполна. Мы свято чтим память павших...» Журнал «Огонек» делает доброе дело, рассказывая о неизвестных или малоизвестных подвигах времен Отечественной войны. Такие рассказы служат благородному делу патристического воспитания нашей молодежи».

Пришло в редакцию письмо от бывшего гвардии лейтенанта, командира роты ПТР сто тридцатого полка 44-й гвардейской дивизии, инвалида войны, капитана подменного экипажа № 25 Дальневосточного ордена

Ленина морского пароходства Георгия Константиновича Сорочанова.

«Дорогая редакция! — пишет он. — Читал я очерк «Штурм ледяного вала» со слезами на глазах, потому что это рассказано о моих дорогих однополчане, о моем родном полке, о нашей дивизии... Признаться, фамилии указанных героев не помню, они, должно быть, из другого батальона, но, взглянув на фотографии героев тех лет, словно бы и себя увидел.

Я был тяжело ранен за месяц до подвига тринадцати в боях за город Богучар. Прочитал и очень разволновался. Может быть, дорогие товарищи из редакции, вы напечатаете мое письмо и кто-то откликнется из моих однополчан. Как бы это было радостно — встретиться нам, однополчанам тринадцати бессмертных гвардейцев. Ведь живут где-то ветераны сто тридцатого полка?»

Из Ленинграда откликнулся Александр Васильевич Гончаров — пенсионер, ныне работающий кочегаром на одном из заводов города. Он вспоминает фронтовые дороги, своих боевых товарищей.

«Никогда не думал, — пишет тов. Гончаров, — что спустя три десятилетия можно вспомнить названия высот, курганов, деревни, дома, в которых когда-то шли лютые сражения.

Я тоже служил в рядах 44-й гвардейской краснознаменной

стрелковой дивизии, был под Красновкой, принимал участие в боях за Миллерово, ходил в разведку, уничтожал и брал в плен фашистов.

Очерк «Штурм ледяного вала» напомнил тяжелые и героические дни. Сердце наполнилось дорогими воспоминаниями. Многие мои товарищи, подобно тринадцати гвардейцам, сложили свои головы за Родину. А где однополчане, оставшиеся в живых? Может быть, они откликнутся?

После войны много лет плавал по разным морям. Теперь здоровье подкачал. Плавать не могу. Зрение не годится. А вот услышал о тринадцати гвардейцах, и будто сил мне прибавилось...»

И еще об одном письме нельзя не упомянуть, хоть написано оно тридцать лет назад. Красноармейцы Николай Сирин и Константин Поляков оставили записку, нацарапанную на солдатском котелке. Умирая, они хотели, чтобы мы с вами услышали их.

Прежде чем вывести «Прошайте», они обратились к нам, к тем, кто живет сегодня, с просьбой: «Сохраните, пожалуйста, наше оружие. Оно лежит здесь же, рядом с котелком».

Просьба эта выполнена: в красновском музее хранится оружие героев. Темное, поржавевшее, оно безмолвно свидетельствует о том, что сделали тринадцать советских солдат.

К 50-летию выхода первого номера журнала «Рабоче-крестьянская милиция» и 25-летию журнала «Советская милиция».

По основным рубрикам журнала: «Вместе с народом», «На переднем крае», «Главное — профилактика», «Внимание: подростки!», «Милицеская этика», «Трибуна политработника», «Эстафета поколений» — можно получить представление о направленности журнала, о проблемах, с которыми он знакомит своих читателей.

Мы стремимся показать во всей полноте коммунистическую убежденность и принципиальность, честность и правдивость, гуманность и высокую культуру сотрудников милиции и народных дружинников.

Журнал «Советская милиция» сравнительно молод, он в самом расцвете сил и, думается, далеко не полностью раскрыл свои возможности. Шагать в едином строю с сотрудниками органов внутренних дел, помогать им в нелегкой, но благородной службе — вот истинная цель и подлинное призвание тех, кто пишет сегодня о больших и малых делах советской милиции.

Н. ВЕТРОВ,
главный редактор журнала,
кандидат юридических наук

ГАСТРОЛИ

М. Богданова в роли Кабанихи в спектакле «Гроза».
Фото И. Шлугер.

Играет Кострома театральная

С успехом прошли в Москве спектакли Костромского областного драматического театра имени А. Н. Островского. Интересный гастрольный репертуар определил внимание зрителей: они посмотрели «Таланты и поклонники» и «Грозу» А. Н. Островского, драму Н. Кулиша «Девяносто семь», «В степях Украины» А. Корнейчука, пьесу Н. Анкилова «Солдатская вдова» и другие работы коллектива.

Яркие, талантливые постановки П. И. Слюсарева позволяют говорить о плодотворном влиянии его учителя, одного из интереснейших современных режиссеров — А. А. Гончарова. Решениям Слюсарева свойственно яркое видение событий, страстность повествования, интерес к проблемам высокого общественного звучания.

Став главным режиссером театра, П. И. Слюсарев не сразу обратился к Островскому, но потом, увлекшись драматургией Островского, поставил сразу четыре пьесы. Спектакль «Гроза» выдержан в строгом классическом стиле. В оформлении художника А. Н. Гзыло главенствует простота и четкость линий; их нарочитая незавершенность создает у зрителя ощущение непрочности тишины и безмятежности окружающего; взо-

рванная монологом Катерины в сцене покаяния, эта тишина несет в себе тяжкую напряженность предгрозовых сумерек...

Актриса Ж. Сиротина, исполняющая роль Катерины, играет характер сильный и цельный, верный сам себе. Такой Катерине безнадежно притвориться иной, чем она есть... Очень интересна тут и Кабаниха в исполнении М. Богдановой — характер необычайно колоритный, почти гротескный, раскрыт актрисой точно и достоверно.

Спектакль «Таланты и поклонники» сделан совсем в другом ключе. Вот уж где внимательный режиссер и художник и тем мелочам, которые правдиво воссоздают атмосферу провинциального городка. Тут томится, ждет признания ее таланта молодая актриса Негина, опять же прекрасно сыгранная Ж. Сиротиной.

Но театру свойственно внимание не только к классике: интересны и другие спектакли, показанные театром в Москве. И в постановке классики и в отношении к современному пьесам театр, один из старейших в стране, остается верен своим реалистическим традициям.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Моника ВАРНЕНСКА,
лауреат «Гран при»
Международной
организации
журналистов

Фото автора.

Пограничье Вьетнама и Лаоса — горы и джунгли. Те самые джунгли, виденные много раз и тем не менее всегда кажущиеся мне красивыми, влекущими. Наш «газик» то и дело оглашает окрестности каким-то хриплым воем, предупреждая о своем появлении. С перевала, по которому тянутся клочья облаков, открывается чудесный вид на лежащие далеко внизу широкие долины. Впереди — небольшие горные участки рисовых плантаций, заботливо орошаемые струйками воды, стекающей с огромных, почерневших от старости водяных колес с черпаками, мерно выплескивающими влагу на жаждущую землю.

Шесть лет назад, отправляясь в свою первую поездку по «неведомому» лаосскому фронту, я ехала только ночью и крайне сожалела о том, что не могла наслаждаться прекрасными горными и джунглевыми пейзажами: их закрывала ночная темнота. Мы ехали ночами потому, что тогда днем шли усиленные бомбежки, в которых участвовали буквально все типы американских самолетов. Но теперь, направляясь в освобожденные районы Лаоса, мы ехали днем, и я смогла не спеша разглядеть все, что было на нашем пути.

Когда приезжаешь сюда, причем не первый раз, и начинаешь осматриваться вокруг, многое становится отчетливым и понятным.

Я не собираюсь вдаваться в обширные комментарии на тему политической обстановки в стране. Листая густо исписанные странички блокнотов, я хочу лишь рассказать читателю о том, какими стали освобожденные районы Лаоса в 1973 году.

Представьте себе обширную долину с огромной, поросшей кустами меловой горой посредине... Следы человеческого труда: ря-

дом с тухлявым деревом тянутся грядки с овощами — кольраби, лук, помидоры, капуста. Скальный обрыв. На сером фоне потрескавшегося камня растут карликовые пальмочки. По гранитному монолиту ползут свисающие спиралью лианы. Вцепившиеся корнями в гранит хилые деревца свисают с каменной стены в самых неправдоподобных положениях. Две огромных глыбы, видимые издали, но сливающиеся с серым фоном скал. Надо приблизиться к ним, чтобы удостовериться, что это — дело рук человеческих. Так, в скалах был построен «отель» для гостей.

Увы, новый «подскальный отель» еще не имеет названия, но уже принято во внимание мое предложение назвать его «САЙСАНА», то есть «ПОБЕДА». А почему бы и нет? Если многие отели в различных странах мира носят название «Виктория», то почему не назвать так же и этот отель, расположенный в глухом горном районе Лаоса!

Я приехала в освобожденные зоны спустя несколько недель после начала вьетнамских переговоров о мире в Лаосе.

Жизнь населения освобожденных зон по-прежнему сосредоточена в джунглях и гротах. Гроты и пещеры, подземные убежища и глухие уголки джунглей стали постоянным жильем лаосских патриотов с самого начала этой необъявленной войны. В свое время Пентагон поставил себе цель: загнать патристическое и освободительное движение Лаоса в подполье, вернуть население освобожденных районов к временам каменного века. Естественно, что в этих условиях гроты и пещеры, искусственно расширяемые руками человека, с каждым годом улучшаемые и оснащаемые, стали больницами и школами, жильем и местом собраний, заводскими цехами и зрелищными учреждениями. Я не раз сама видела, как в таких гротах устраивались киносеансы или спек-

Женщины-крестьянки подносят пищу работающим в поле.

такли и концерты. В таких же условиях работали и сотрудники радиостанций Патет-Лао. Я с изумлением смотрела, как в пещерах работают ткацкие станки и медицинская аппаратура, производящая медикаменты, видела маши-

ны и оборудование механических цехов. В скальных гротах живут и работают руководители Патристического фронта Лаоса во главе с принцем Суфанувонгом. Наблюдая жизнь в освобожденных районах, приходишь к пониманию

«САЙСАНА» — ЗНАЧИТ

Начало обряда «баси» — приветствие друга из дальних стран.

Инвалид из Патет-Лао. Возвращаясь из плена в родные места, он прошел на деревянном протезе 300 километров.

того, что победа патриотов Лаоса была закономерной. Великая победа! И оценить ее можно лишь тогда, когда не раз побывавешь здесь, на месте.

Шесть лет я внимательно изучала и наблюдала ход событий в Ла-

Женщина из племени мео.

осе, близко и многократно видела жизнь в гротах и пещерах. Мне становилось не по себе, когда я вплотную соприкасалась с этими примитивными, неслышанно тяжкими условиями, в которых шла упорная борьба не только за сво-

боду и независимость страны, но одновременно и за улучшение человеческого быта, за чистоту и гигиену, за ликвидацию болезней и недугов, вызываемых таким существованием народа. Манерка или термос с кипяченой водой, противомоскитная сетка и мазь, мыло и полотенце стали предметами повседневного пользования. И это тоже была победа Патриотического фронта! Из года в год улучшаются условия работы транспортников, необычайно важной в этой стране, где нормальных дорог очень мало, где все чаще приходится переносить грузы на спине по крутым и скользким тропам, где не пройдет ни одна машина, даже велосипед. Из года в год растет тираж газеты «Лао Хак Сат», которая теперь выходит не два раза в месяц, как это было раньше, а каждую пятидневку. Увеличился выпуск брошюр, букварей и книг, печатаемых в скальных гротах.

Со времени моей последней поездки сюда резко возросло число молодых лаосцев, которые после обучения за границей возвращаются домой. Этот поток выпускников, окончивших советские, вьетнамские, польские и другие вузы, стал явлением массовым и повседневным. Однако не следует забывать, что эти молодые люди, в течение пяти лет учебы находившиеся в отличных условиях быта, вынуждены применяться к примитивной и трудной жизни освобожденных районов. И тут следует подчеркнуть: в Лаос, на территорию, контролируемую Патриотическим фронтом, возвращаются даже бывшие стипендиаты вьетнамского правительства — люди, направленные на учебу во Францию, дети богатых родителей. Они могли вернуться в «королевский» Лаос и жить в Луангпранге или Вьентьяне, пользуясь всеми благами цивилизации, в комфорте, достатке и мире. Никто и ничто не заставляло их принимать столь важное решение, как выбор трудной дороги в освобожденные зоны. Но они выбрали этот путь!

Мне удалось посетить новый подземный (точнее, подскальный) госпиталь на 100 коек, оснащенный современным оборудованием, аппаратурой и инструментарием, доставленными из стран социалистического содружества. Здесь отлично борются с подземной сыростью. Мой «старый знакомый», д-р Помнекк, нынешний главный врач этого госпиталя, вернулся в 1967 году не во Вьентьян, а в освобожденные зоны. Вместе с ним вернулась его молодая жена, высококвалифицированная, закончившая институт во Франции врач-акушер. Д-р Помнекк рассказывает мне о Варшаве, откуда присланы новейшие микроскопы, и о Париже, где он был год назад на международной конференции медиков:

— Я возобновил там прежние контакты и связи с друзьями студенческих лет... Видел там молодых коллег-медиков, которые жадно слушали мою информацию о врачебной работе в освобожденных зонах и обещали приехать к нам сразу после защиты дипломов. Они теперь хорошо знают, что наша жизнь и труд не будут легкими даже тогда, когда наступит мир и произойдут определенные политические изменения, — у нас по горло будет работы и в послевоенное время. Но их не пугают трудности...

Великая сила заключена в патриотическом, освободительном движении, если оно притягивает к себе людей даже из другой среды — с иными навыками, психологией и широкими возможностями материального благополучия. Но не только врачи едут в освобожденные зоны: во время предыдущей поездки сюда моим переводчиком и сопровождающим по Лаосу был Самбат — выпускник знаменитой французской офицерской школы в Сен-Сире. Он тоже был стипендиатом вьетнамского правительства. Нынешний мой переводчик Кот учился во Франции: он не только юрист, но и экономист.

...Шалаши и землянки буквально прильнули к скальной стене в этой нагретой солнцем долине. Молодые девушки рассказывают мне о своих первых походах на линию фронта — о маршах с грузом риса на спине или с патронными ящиками, перекинутыми на коромысле через плечо. Девушки говорят просто и без пафоса. Не употребляют высокопарных слов. Они рассказывают, как трудно было идти под открытым небом, освещенным «флярами» (осветительными ракетами на особых парашютах. — М. В.) и под грохот падающих с неба бомб. Как не раз они боялись ступить лишний шаг, чтобы не нарваться на мину. Как боролись сами с собой, чтобы преодолеть страх, чтобы не убежать обратно. Как им было холодно, а нередко и голодно, когда не было и горстки риса или кружки воды. Как блуждали они по запутанным тропам в непроходимых джунглях и не знали, попадут к своим или к противнику. Как приходилось нести, кроме груза, своих раненых подружек... Эти повествования, за которыми стоит правда жизни, — тоже частичка одержанной сегодня победы.

Молодой учитель, закончивший педагогические курсы, вспоминает долгий период солдатской службы и конспиративную работу в тылу противника, пребывание в тюрьме Вьентьяна, допросы «с пристрастием». Потом был удачный побег, возвращение к своим, опять фронт, несколько ранений, потеря глаза. Как непригодный к дальнейшей строевой службе, он был уволен из армии, и перед ним встала новая проблема: выбор мирной профессии. Он выбрал профессию учителя. Постепенно освоился и полюбил ее.

— Было ли вам тяжело? — спрашиваю я.

— Разумеется!

Ему сначала пришлось много учиться самому, чтобы потом уметь учить других. Ему и сейчас нелегко.

— Но я с пользой работаю среди своих учеников, — говорит он с улыбкой, которая освещает его лицо, густо испещренное шрамами.

Шипит бензоловая лампа, стоящая в глубине скальной пещеры. Мы выходим наверх, чтобы отправиться в следующий пункт: туда, где перестал греметь бой, но идет упорная борьба за рис насущный, за книгу и газету, за новую, мирную жизнь. И на каждом шагу я вижу, как окреп Патриотический фронт, как идут и идут к нему люди. И все большее значение приобретает слово «сайсана».

Год 1973-й — это год начала долгожданного мира, которого так жаждал народ Лаоса. Это «Сайсана» — «Победа».

«ПОБЕДА»!

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРЕМЬЕРА

К

этому зданию приближаешься в нетерпеливом, но уверенном ожидании. В ожидании встречи с необычным. С чудом. Подобное настроение охватывает сразу при выходе из метро «Университет», когда навстречу тебе устремляется величавое сооружение, именуемое «новый цирк на проспекте Вернадского»...

Отрываю дверь служебного входа и... останавливаюсь в растерянности. На меня смотрят очень внимательно, изучающе-серьезно живые собачьи глаза. «Вот она, «первая ласточка» предстоящих чудес», — думаю. На пороге лежит большой пес. Мне объяснили: Мухтар родился в цирке, встречает всех входящих в эту дверь. Встречает дружелюбно, но с некоторой долей настороженности, словно желая понять, с чем пришел

очередной незнакомец. С добром ли! И не потревожит ли он течения повседневной жизни цирка, жизни артистов, многих его гостей!

А гостей нынче в цирке действительно немало. Гости Москвы, посланцев пятнадцати республик Союза. Это участники последней программы нового цирка «Москва встречает друзей», посвященной 50-летию образования СССР.

Программа эта — блистательный результат сотрудничества мастеров цирка всех наших республик.

Забегая вперед, скажу без преувеличения, что она радует неистово-веселой выдумкой и буквально потрясает мастерством исполнения.

Перед тем, как посмотреть эту чудесную программу, мне еще удалось увидеть и самый цирк.

Директор цирка Петр Федорович Аболимов ведет меня по длинному коридору к главной арене.

— Новый цирк восхищает своими техническими возможностями. Заменяющиеся манежи, выдвижные сцены, глубокий бассейн... И это, естественно, вызывает большой интерес к цирку. Однако, — Аболимов приостановился, — как ни хороша техника, главной притягательной силой любого представления был и остается талантливый артист. Вы убедитесь в этом, посмотрев программу...

До начала представления еще достаточно времени, и я направляюсь к арене. Но не к главной, а предназначенной для репетиции и тренировок артистов. Мне не

Общий вид цирка во время пролога (вверху).

Внизу: оригинальный жонглер — заслуженный артист Латвийской ССР А. Вирмаус. Эквилибристи на першах, группа Р. Манукяна [Армянская ССР]. Заслуженный артист РСФСР А. Николаев, лауреат международных конкурсов клоунов.

НА РАЗВОРОТЕ:

Аттракцион «Русские качели с медведями» под руководством народного артиста РСФСР В. Беляева [РСФСР]. Канатоходцы народного артиста Узбекской ССР А. Ташкембаева. Конные игры — группа джигитов под руководством народного артиста Туркменской ССР А. Аннаева.

терпится увидеть этих людей, сильных, ловких. Необыкновенных.

Откуда же берутся «изобретатели» цирковых чудес? И как ими становятся?

Если послушать их самих, то очень просто.

Совсем молодой акробат Александр Маковей из Кишинева немногословен. Да, видел в детстве выступления артистов цирка, понравилось; вот и поступил в цирковое училище.

Подхожу к жонглеру Хосрову Абдулаеву, заслуженному артисту Азербайджанской ССР. Родился он в горах Шемахи; как-то в аул пришел глухонемой фокусник. Он изумил стариков: разрезал яблоко, а оттуда выпала монета! «Можете себе представить, сколько потом было разрезано у нас в ауле яблок», — смеется Абдулаев. С тех пор мальчик решил: научусь всем этим удивительным вещам. Убежал из дома, поступил в училище; скоро исполнится двадцать лет, как артист работает на манеже.

У меня складывается впечатление, что о своей работе артист цирка не любит много говорить. Что, мол, рассказывать: смотрите сами! «Тренируюсь каждый день, бывает нелегко»... С большим удовольствием вспоминает разные забавные случаи из практики, из выступлений. Рассказывает, а потом (и так каждый из них) обязательно заключает: без цирка жить не смог бы.

Но вот я получила ответы на все обязательные вопросы и вдруг чувствую: разговор на этом не закончится. Каждый сам начинает рассказывать о том, что волнует именно его, о чем непосвященный и не догадается спросить. Сколько же тут возникает проблем, больших и маленьких, сколько нерешенных задач... Пример: сейчас опилки на манежах стали заменяться настилом для удобства публики первых рядов. А это неудобно

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

нам, говорят туркменские джигиты, лошадь может поскользнуться...

Или еще, казалось бы, деталь, но немаловажная. Новый цирк вмещает гораздо больше народа, чем любой старый. Но теперь артист не различает лиц зрителей, сидящих в дальних рядах, а ведь ему необходим непосредственный контакт, необходимо чувствовать и видеть малейшую реакцию публики: от этого зависит настрой самого артиста и даже успех исполнения... Значит, нужно еще больше усиливать творческое воздействие цирковых номеров...

Это, как говорится, «проблемы маленькие». Главное же, что волнует буквально всех участников программы, можно определить так: артист цирка не должен быть лишь исполнителем трюков, — он должен быть артистом в полном смысле слова! Только тогда можно говорить о цирке как об искусстве, а не то он мало чем будет отличаться от спорта. «Артистизм плюс трюк», — повторял мне неоднократно один из выступающих, словно произнося могущественное заклинание...

...Заиграл оркестр. Ярко один за другим вспыхивают огни; они поочередно гаснут, зажигаются вновь, лучи света перекрещиваются... Зрители, замороженные игрой света, не сразу замечают, как «дно» манежа опускается в таинственные глубины, а потом возвращается обратно. Но тут уже артисты... Еще несколько секунд, и как по мановению волшебной палочки все участники программы предстают перед зрителями.

Я смотрю первое отделение из-за кулис. Возле меня время от времени появляется Андрей Николаев, клоун, заслуженный артист РСФСР, один из режиссеров программы. «Клоун Андрей» весь вечер на манеже.

Вот отработали украинские артисты-антиподисты, и, пока к выходу готовятся гимнастки из Эстонии, клоун развлекает зрителей. Потом у него снова небольшой перерыв.

— Вы, наверное, заметили, — говорит Андрей, — что одно из главных условий успеха любого представления — темп. У нас, работников цирка, есть даже такое выражение: «программа катится». Перерывы, обрывы недопустимы, они нарушают общий ритм. Публика ни на минуту не должна отвлекаться, не должна быть представлена самой себе. Вы согласны?

Соглашаюсь. Хотя мне кажется, — очевидно, как непрофессионалу, — что уже ничто на свете не может заставить зрителя отвести глаза от манежа, не то что отвлекаться! Как можно, например, «отвлечься» от волшебника из Риги — жонглера Виркауса! А таджикские народные игры! Голова кружится от лихости и смелости, с которыми молодые артисты про-

делывают свои трюки на длинном шесте!

Вспоминаю снова: трюк плюс артистизм. Какая сухая формула! Тут мало сказать: он артистичен. Каждый артист участвует в создании художественного образа народа. Здесь не просто грация и утонченность в одном случае, не просто задор и лихость — в другом.

Дело не только в национальных костюмах и национальных мелодиях, сопровождающих выступления. Недаром в программу отобраны лучшие номера из каждой республики. Мы получаем представление об обычаях того или иного народа, мы знакомимся с его своеобразием и темпераментом.

— Интересно, возникали какие-либо сложности при составлении программы? — спрашиваю у Николаева, только что удалившегося с арены под всеобщий смех зрителей.

— А как же! Программа, как видите, большая. Надо было составить ее так, чтобы не утомить зрителей. Знаю-знаю, скажете, что готовы смотреть ее бесконечно? Угадал! Но «бесконечно» вы способны смотреть только тогда, когда, — тут Андрей начинает загибать пальцы, — раз: на манеж выходят артисты, не похожие на предыдущих или последующих, не повторяющие друг друга, то есть если жанры разнообразны. Два: если номер исполняется четко и без натуги. В конце концов даже «выход на комплимент» у артиста должен быть индивидуальным.

Андрей прервал разговор: публика вновь ждала его.

— Мне пора. Пошел смешить, — произнес КЛОУН Николаев с самым серьезным видом. — А это, поверьте, тоже не очень легко.

Понятно, что нелегко. Но ясно и то, что публика всегда ждет от цирка именно веселья и радости, — и цирк не обманывает ее ожиданий.

Зрители идут сюда как на праздник. Они хотят смеяться шуткам клоунов, удивляться той легкости и свободе, с которыми люди манежа проделывают свои сложные «фокусы», поражаться неограниченным возможностям человеческого тела, наконец, вдохновляться оптимизмом и солнечностью необычного зрелища.

И аплодировать. Много и долго. Единственный (но такой прекрасный!) способ отблагодарить артистов за их труд. Зритель догадывается, сколько энергии, силы, мужества отдает ему человек, выходящий на арену, — и все для того, чтобы именно его номер показался самым интересным, самым ярким, самым запоминающимся. Тут невозможно фальшивить, работать вполсилы. «Мы всегда выходим на арену как будто впервые». Одно выступление в будний день или три выступления в воскресный — любое из них каждый раз премьеры.

Воздушный аттракцион «Мечтатели» под руководством О. Лозовика. Главный дирижер цирка Н. Соколов. Антиподисты во главе с заслуженным артистом Украинской ССР Ф. Микитюком. Эквилибристи-жонглеры на лестницах — В. и З. Черняускас (Литовская ССР)... И еще раз туркменские конные игры.

Виктор СМЕРНОВ

Моя звезда

* * *

Отец погиб за дело правое
В суровом, как январь, году.
Я, словно деревце упрямое,
Один расту на холоду.

Один?..

Над миром звезды вещие
Горят, как вечные сердца.
Под звездами гляжу на вещи я
Глазами павшего отца.

По вехам века я равняю
Свою прямую борозду...
И никогда я не роняю
Звезду —

отцовскую звезду!

БЕРЕЗКА

Она просыпается рано
И смотрит в окошко мое.
И рваные клочки тумана
Застрали в прическе ее.

Днем будет, наверное, жарко.
Росою умылась с утра.
О, как ослепительно ярко
Сияет сквозь листья кора!

Заря, ей в подруженьки метаясь,
Из рощи выходит на луг...
И в небе молоденький месяц
Растаял при виде подруг.

Я болен щемящей красою
И стана ее и ветвей.
И я прижимаюсь щекою
К любимой березке своей.

Я знал, что и ветер проснется —
Травинки качаются все...
И к нам подошедшее солнце
Смеется в прозрачной росе.

СОЖ

Загудели метели,
В ветках зябкая дрожь.
И застыл в удивленьи
За деревню Сож.

Как он плещет весною
Меж кудрявых берез,
Окропленных росой,
Точно рассыпью звезд!

Выгибается круто
Голубая лука.
Перламутровым утром
Зацветают луга.

И, как лунные блики,
В этот час голавл
Спят у берега близко —
Хоть руками лови!

Я касаюсь рукою
Его медленных вод...
Над моею рекою
День счастливый встает!

РАБОТА

Девушки, не спящие до света
Вместе с круглолицей звеньевой,
Не со мной целуются, а с ветром
В кузове машины грузовой!

Ой, девчата,
ставшие серьезными,
Почему б не взять меня в звено?
...Ночью вновь в мешок земными
звездами
Сыплю я горячее зерно!

Кто-то из девчат смеется: «Витя,
Одному тебе не донести».
Молодую звеньевую видя,
Разве мог себя я подвести?

И светлеет небо надо мною.
И струится пот опять солен.
И девчата за моей спиной
Громко восхищаются: «Силен!»

И, борта машины закрывая,
На меня с улыбкой заревой
Так порою смотрит звеньевая,
Что шофер качает головой...

ВЕСЕННЕЕ ПОЛОВОДЬЕ

Нам помогают даже стены.
Ночь переходит смело в день.
Петух, желая петь со сцены,
Чуть свет взлетает на плетень.

Моя избушка в три оконца
Стоит, сама не зная где...
И прямо у порога солнце,
Что окунь, плавает в воде.

В своих домишках на осинах
Скворцы хлопочут, как всегда.
И после паводка в низинах
Стоит янтарная вода.

Где сыпала сестра зимою
Золу — там куры на холме.
И снег, не тая под золою,
Стоит, как памятник зиме.

Ржут поутру в конюшнях кони,
Как люди, радуясь весне...
Меня здесь крепко держат корни,
И сок земли течет во мне.

Деревня Киселевка,
Смоленской области.

Юрий СБИТНЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Письмо дочери не выходило из головы. Как же так? Почему так? всю жизнь с Фаиной только и делал, что потакал ей.

Он был покладистым мужем, никогда не бранился, не скандалил, в меру пил вино. И если выпивал, то становился к жене еще добрее. Копыреву казалось, что он любил жену со дня их первого знакомства и до сих пор. Даже до сих пор, когда она уже жила с другим мужчиной, была ласкова к нему и, вероятно, по-своему любила того, чужого, иначе бы и не привела в дом. И, понимая это, Копырев не то чтобы пытался выкинуть из сердца Фаину, а, наоборот, искал ей оправдание. Даже прошлой осенью, когда все вокруг говорили ему, что жена недостойно вела себя все лето, что в его квартире не прекращались свадьбы, которые неудачно справляла старшая дочь, а мать была в них участницей, да-

услышав этот вопрос отца, на цыпочках вышла за дверь.

— Как знаешь,— сказала Фаина, и Копырев уловил в голосе жены слезы. Слез женских он не выносил, они рвали ему сердце.

— Я не виновата... Ваня, я не виновата ни в чем.— Она разрыдалась.— Ты не веришь? Никто не верит! Но я не виновата! Прости меня, Ваня, Ваня, ты же добрый. Ты же любил меня, Ваня...

И Копырев, не в силах больше видеть и терпеть ее слез, ее беспомощности, шагнул к двери да вдруг обернулся, бросился к ней и обнял. Она прижалась к нему всем телом, обвила рукою шею и, слабея в его объятиях, уткнулась лицом в распахнутый ворот рубахи. Он почувствовал на груди своей ее губы, ее влажные от слез ресницы и простил ей все...

А потом Копырев лежал один в своей ком-

Толк

ГЛАВА III

Шестого июля с. г., находясь с группой пожарных в количестве пяти человек на патрульном самолете «АН-2», я обнаружил лесной пожар в районе реки Чока.

Время обнаружения 10 часов 20 минут.

Выброску парашютистов-пожарных произвели в 11 часов 10 минут.

Во время обнаружения пожар охватывал примерно 2,5—3 га леса по южному склону и 1,5—2,5 га мари по северному склону сопки Девочка.

Пожар верховой...

...К исходу дня, т. е. к двадцати двум часам, пожар охватил свыше 300 га леса.

Из доклада летчика-наблюдателя Глыбина.

Нешадно пекло солнце. День занимался знойным. Лагерь затих. Рабочие, прихватив полуга, в поисках прохлады и тени спустились к реке и там кто как устроились на отдых.

Копыреву спать не хотелось. Он лежал на самом солнцепеке, сбросив рубашку, подставив солнцу худую, с крупными лопатками спину, больше, чем когда-нибудь, устав за эту белую ночь.

же тогда не мог поверить этим наговорам. И верил только Фаине, которая говорила, что все вокруг просто завидуют ей, свободной от мужниных скандалов и подозрений.

Вот тогда впервые встретился он в своем доме с Козариным. Тот, словно жулик, шмыгнул мимо на лестничную площадку, но Копырев поймал его за воротник щегольской курточки и, не отдавая себе отчета, ударил раз, другой, третий...

Козарин, не отвечая на удары, вывернулся ужом и бросился бежать прочь, вобрав голову в плечи.

Злоба как-то разом схлынула, стало гадко на душе, и Копырев, тяжело переступив порог, только и спросил у жены:

— Фая, как же это?

— Это наговоры, Ваня! Наговоры! — только и сказала Фаина, и он впервые заметил в ее глазах какой-то пустой, холодный огонь.

Вероятно, этот огонь и жег ее все то долгое экспедиционное лето.

После этого они с неделю не проронили друг с другом ни слова. Копырев боялся глядеть на Фаину, но с каждым днем неоправданная жалость к ней все больше и больше терзала сердце.

— Может, нам разойтись, Фая? — спросил как-то. — Не в силах я так вот жить...

Старшая дочь, Валентина, которая после «свадебного лета» как-то разом присмирела,

нате, Фаина ушла к детям, они гостили у деда с бабушкой, старшая дочь, Валентина, как вышла тогда на цыпочках, так и не возвращалась, лежал и думал о себе, о детях, о Фаине. И чем дальше лежал в этой задумчивости, тем неуютнее и холоднее становилось у него на душе.

«Зачем я? Зачем все это? Почему?» — спрашивал себя Копырев и не находил ответа.

И вот тогда вдруг пришло к нему давнее. Пришло неожиданно, огорошив как-то сразу. И он, ощутив вдруг в своем сердце тоску и еще что-то такое необъяснимое, вдруг ясно увидел перед собой сначала девичье лицо, а потом и девушку, издавала машущую ему вязаной варежкой.

— Господи, что же это?

А девочка в шапке-ушанке, отороченной заячьим мехом, в меховых сапожках, убранных бисером, в нагольной боярке, тоже отороченной по воротнику, полам и подолу мехом, смеялась звонко-звонко, и смех этот был так явствен, что Копырев поднялся с постели, стараясь не шуметь, прошел к двери проверить, плотно ли она закрыта. Дверь была заперта. За ситцевой занавеской, отгораживающей передний угол, спала на диване дочь. Копырев не слышал, как вернулась Валентина.

Он вышел на кухню. Осторожно открыл кран, чтобы не побеспокоить соседей, и, нацедив тоненькой струйкой воды в кружку, вы-

Продолжение. См. «Огонек» № 21.

пил ее, слушая, как утешенно, словно в гору бежал, бьется сердце. Не зажигая света; посидел на кухне, наверное, никак не меньше часа, продрог — был он в одной майке — и тихонечко вернулся в комнату.

На душе было спокойно, и сердце уж больше не билось так, будто он одолел крутой подъем. Но стоило Копыреву лечь в постель, как та девочка в ушанке и боярке снова предстала перед ним, но теперь она не улыбалась, а глядела совсем так же, как тогда, в тот вечер...

...В тот вечер высоко-высоко стояли в небе звезды. Они были далекими и в то же время такими близкими, что, казалось, можно было достать их рукой, если убежать за реку, подняться на крутояр, протянуть ладони, и звезда ляжет в них, как полевая ромашка. Так говорила та девочка, и он слушал ее, и не понимал почему все, что бы она ни говорила, казалось ему таким умным, таким интересным. Может быть, это оттого, что только-только окончила медицинское училище, ведь она три года была студенткой, а он — что он? Рабочий парень-фрезеровщик, попавший сюда, в таежный край, на лесоповал, только для того, чтобы заработать денег. Смешно сказать, заработать денег на женитьбу.

Как-то так получилось, что в тот вечер, под этими звездами, которые могут лечь в ладони, Копырев вдруг сказал той девочке:

— А знаешь, я ведь тут только потому, чтобы денег побольше заработать.

— Зачем? — Она удивленно поглядела на него, и Копырев впервые подумал тогда, что она очень красивая. Очень.

— Ты смеяться будешь.

— Нет, не буду.

— Мне деньги нужны на женитьбу, — выпалил он, ожидая, что она рассмеется.

И вот тогда она и поглядела так, как увидела ему сейчас, через столько лет. Удивление, какая-то затаенная надежда, даже радость и в то же время настороженность были в ее взгляде.

И тогда Копырев, не понимая, что делает, вдруг рассказал ей, что у него есть невеста — Фаина, что он любит ее, но Фаина считает, что им нельзя пожениться, ведь Копырев не так уж много зарабатывает (правда, и немало), но не настолько много, чтобы содержать семью. И вот приехал сюда, на лесоповал, чтобы заработать денег на женитьбу.

— Так решили мы с Фаиной, — сказал Копырев и вдруг испугался. Он испугался, что она повернется круто, как это умеют делать девчонки, и уйдет. А ему не хотелось, чтобы она уходила. Не хотелось...

Она не ушла, может быть, потому, что, как и Копырев, была пока еще одинока в этом таежном селе (прилетела сюда всего за неделю до приезда Копырева), может быть, потому, что уже привыкла к этому застенчивому, даже робкому, но доброму парню, а может быть, ей просто захотелось послушать о большой любви и чуть-чуть погреться у этого чужого огня, ведь в восемнадцать лет так тянет к хорошей любви.

И они по-прежнему бродили вечерами по селу, ходили в клуб или, когда Копырев особенно сильно уставал, сидели в ее беленькой горенке, в маленьком бревенчатом доме, и играли с вдовой-хозяйкой в дурачка.

Но чаще всего они бродили селом, уходили санным следом в тайгу, за реку, и говорили, говорили о жизни, о любви, о дружбе, о Фаине...

Уже весной, когда набухли снега, когда малиново запылал березняк и рудово заалели таволги по берегам Юткукона — малого ручейка, куда вела санная дорога из села, когда наконец хлынули вешние воды в овражки и распадки, в низины, в широкое ложе Большой реки, когда они вдвоем стояли под соснами на крутояре над великим половодьем, а солнце, согревая землю, смеялось в отчаянно синем небе, тогда вдруг Копырев понял, что все эти долгие зимние вечера и дни, думая и говоря о Фаине, говоря о своем чувстве, он все это время изо дня в день признавался в

любви этой вот девочке с карими — цвета кедровой смолки — глазами, ей одной, такой чистой, такой верной и славной, такой, с которой всегда хочется и самому быть чище и добрее. И, поняв это, Копырев вдруг оробел так, что вроде бы и ноги готовы были подломиться и сердце тревожно сжалось...

Мимо них спешила к Большой реке полая вода, светило солнце, и клесты ли, синицы щелкали в сосновых кронах, и неутомимый поползень стучал на всю округу клювом, и весна широко и свободно окружала их — двух людей, полных первого юного счастья.

Копырев неловко обнял ее за плечи, бережно притянул к себе, стараясь ничем не обидеть ее, не пойти против ее воли, увидел ее глаза, ее брови, крохотную оспинку над губой, и золотистый пушок, и губы, теплые, теплые губы, и румянец, что заливал щеки, увидел все ее дорогое для него лицо... Это лицо приблизилось к его лицу, глаза их встретились... И в этот момент Копырев ощутил на своих руках ее руки. Они вроде бы — или это только показалось ему — противились его рукам... Он вздрогнул... Закрыв глаза, пораженный то ли великой перед ней робостью, то ли стыдом...

— Не надо... — прошептала она. — Так хорошо, Ваня... Не надо.

Руки ее лежали на его руках. Они просто лежали, а потом чуть-чуть дрогнули. И Копырев понял это как требование убрать свои руки...

— Что же это такое? Что? Через столько лет! — думал Копырев, лежа без сна в постели и прислушиваясь к тому, как снова утешенно и тоскливо мечется его сердце.

С того вечера, с той ночи та далекая девочка стала часто приходить в его раздумья...

— Ты что не спишь, парень? — Старик Авачан подсел к Копыреву. — Чо, не намаялся?

— Намаялся, деда. Не спится вот.

— Ага. И мне не спится. Старый. Был молодой — жил. Старый все думает, думает.

— Кто думает, деда?

— Башка мой думает, — улыбнулся Авачан, и Копырев вдруг почувствовал, что этот вот старик может помочь ему снять тот груз, который не под силу нести в сердце.

— О чем думаешь, деда?

— О! О многом думаю. Много знает Авачан, много видел. Тайга знает — это много! Ох, шибко это много — тайга.

— А видел-то чего?

— Тоже тайга. О, много, много видел. Я все понял, паря. Все, все. Никто так не знает, как я знаю. Ни один башка не надумал. Я, однако, надумал.

Копырев вздохнул: «Нет, не поможет ему старый звенк». Спросил безразлично:

— И что же ты надумал, деда?

Авачан подвинулся ближе, к самому лицу Копырева придвинул свое желтое, в глубоких морщинах лицо и, поблескивая темной глубиной маленьких глаз, сказал, почти прошептал: — Смерти-то нет! Не помирает никто.

Копырев сначала удивился, а потом вдруг напугался словам Авачана.

А тот, отодвинувшись разом, сел, поджав под себя ноги, и глядел не мигая на воду, в которой отразилось солнце. Словно бы дремал, не обращая никакого внимания на Копырева.

— Как же это так, дедушка... — прошептал Копырев, не в силах побороть охватившего его волнения.

— Я, парень, медведем был, медведем опять стану. А потом деревом — большим, большим кедром. Далеко видеть буду, ничего не забуду, когда человеком буду, — чуть покачиваясь, начал не спеша Авачан.

Подождал и сел рядом Степа, он тоже не спал, возился у воды с Илюшкой и теперь настороженно, как зверь, следил за сыном. Илюшка хлюпался в реке на отмели.

— Как это так, я не понимаю... — сказал Копырев.

— Нет смерти! Никто не помирает...

— Умный старик. Шибко умный. Как Ганалчи! Ух, какой умный! — сказал Степа, раскурил трубочку и протянул ее старику.

Авачан затянулся дымом, повозился на месте, садясь поудобнее, и все глядел и глядел навстречу солнцу, под раскаленный его диск.

Ни один комар не вылетал на солнцепек, и было непривычно тихо без комариной нуды, и только поблекшая трава, выбрасывающимися соцветиями, потрескивала раскрывающимися коробочками семян да, не нарушая этой вот тишины, без умолку точили косы кузнечики.

— Я и кузнечиком был, — вдруг сказал Авачан. — Помню солнышко, помню и травы, вот как кедровые большие.

Молодой был я. В тайге жил, ничего не думал. Спал, однако, сон пришел. Вижу большой, большой сопка над рекою. Камни — такой лестница к воде положены. И кругом красно, хорошо. Сосны красные. И на макушке сопки войдешь — все кругом видать. И тайга видать — зеленый, зеленый, три белые девочки над тайгой видать — останцы, камни, красивые, паря. В народе их «Девочки» зовут. А еще глянешь — три озера чистых, голубых, лебеди гнездуют на них. Хорошо. Воздух синий, синий. И везде ходит вокруг тропа. А по тропе, однако, я иду. Только я не Авачан, не человек — медведь я. Хожу, смотрю — все слышу, все! И тайга молодая, и Девочки каменные белые-белые, а сосны одну песню поют. Вот такую.

Авачан весь подобрался, побагровел лицом и тихо-тихо, чтобы не разбудить спящий лагерь, вдруг повел горлом песню. И был слышен в ней шум молодых сосновых вершин, стрекот белок и плеск белых крыл лебедей. Пришел с реки Илюшка, сел деду в колени, поднял лицо, замер — слушает песню ли, шум ли тайги. Дед положил корявую руку на голову мальчонки, чуть заперебирал пальцами мокрые волосенки.

— Проснулся я. Послушал. Нет, не так поет тайга моя. Нет! И стало меня, парень, по всему миру, как колобок, катать. Шибко далеко закатывало. Ой-е-ей, где я был! Где я не был! Пароходами ходил, паровозами катался, Волга видел... Бо-ольшой река. Вода много, крови много. Я стрелял метко. В белку попадешь, в человека-то куда как шибко... А я не думал. Мне говорят: думай, Авачан, как, что. А мне все понятно. К чему думать? Катит меня и катит. Домой вернулся. Дедушка жив был, говорит: «Где ты был, расскажи». Я рассказываю, они не верят. «Не бывает так!» «Да бывает так!» — говорю. «И железный олень есть, и железный птица есть...» Не верят. А чо еще сказать, как сказать, не знаю, слов таких в нашем языке нет. Женился я. Взял жену и ушел от родных. Ходил по тайге, олень гонял, белку, соболя бил, ничего не думал. Нет мне ни одного места — гонит меня туда, сюда тайга. Мой родной тайга там — на юг иди, где манджурин, где хунгуз живет, а я на север пришел. Дошел до края земли, нет тайги дальше, один голый земля, камень да болота — тундра. В тундре жил, жена умирал, дети умирал, одну маленькую за пазуху прятал, дальше шел. Край земли нашел, нет дальше земли, один вода и лед, лед нашел, нет дальше земли. Люди там меня жить по-своему учили. Дочку маленькую лечили. Вылечили. «Живи, Авачан». Два снега больших прожил, две воды. Встал утром, вышел, посмотрел на солнышко, большое оно и на земле лежит. Пойду к нему. Зачем? Интересно. Дочку взял и пошел. Лежит солнышко на земле, лезу к нему. Ближе подхожу, оно с земли поднялось и висит, уже и рукой не достанешь. А я иду. Совсем обыкновенное солнце стало. Вот дурак, сколько по земле катался, сколько людей слушал, а тут пошел поглядеть, как солнышко на земле лежит. Ушел в тайгу. Пришел и вдруг вижу: стоит большой, большой сопка над рекою, камни, лестница к воде. Побежал на сопку. Ай-яй-яй, три девочки стоят, три озера и лебеди гнездуют. Пошел тропой. «Авачан, — говорю себе, — за той вон скалою две тропы будут». Вышел — две тропы. По правой пойду — к водопою пойду. Пошел по правой — водопой. Бегаю я по тайге — все знаю, где какой камень, где какая речка да ручеек. Все как во сне моем. Сон тот, парень, я не сказал, шибко много

приходил. Везде приходил. Заныло, заболело мое сердце, бегу я и знаю, что впереди будет. Через ложок пробежал, на свалок поднялся, с него на хребтик, вниз скатился, и весь я потный, и сердце мое прыгает, и рука дрожит, а слезы, парень, по лицу каплют, каплют. Стою я, а передо мной старая берлога, в сухом камне вырытая. И с чего такой я — не знаю. Ночь приходит. Я олень замучил, дочка замучил. Они едва за мной пришли. Собаки и те повалились и спать стали. Дочка чум ставит. А я лег на камни, как пьяный сделался и заснул. И слышу: поет тайга песню, ну да, поет ту, что слышал я. Проснулся. Дочка спит, собаки спят, олени, все спят. Тайга не спит, поет, совсем так поет. И все мне знакомо. Встал я да в темноте давай бродить вокруг, а мне так шибко хорошо и плохо, вот так бывает. Хорошо и плохо. Глянул, уже утро занимается, и все родное вокруг, только куда как сосны выше стали, а речка меньше и камни старше. Был я тут, был. И стал я, парень, с тех пор думать да понимать все. Тайгу понял! Все понял!

— Что же ты понял, деда? — Что-то жгло внутри Копырева, что-то давило сердце, но было одновременно и светло на душе. Выплакаться хотелось, чтобы стало все ясным.

— Тайга, парень, как и людей, много. И у каждого голос свой и песня своя. Можно тайгу глазом видеть, а можно ухом и вот этим тоже. — Старик постучал пальцем себе в грудь. — А понял, парень, я — нету смерти. Нету. Ты костюм износишь — скинул его, другой надел. Так! Жалко? Нет. Время пришло. А тело износил, тоже сбросил. А на чем оно, тело-то твое? А?

Степа покачал головой. «Ух, умный старик!»

— Сбросил, а сам-то в дерево ушел, в зверя, в травинку вон. У каждого свой круг. Весь пройдешь и снова начинаешь. Я медведем был, а перед ним-то шибко древним, древним человеком, в пещере жил. Я — сам.

— Авачан?

— Нет. Авачан — одежка. Я — жил. И опять медведем буду. Срок вот пришел. А круг, паря, большой, и кедром будешь, и кузнечиком, и птицей. Каждому только по-разному. Понимаешь? Все вокруг — это человек. Зря губить ничего нельзя.

— А как же, деда, если ничего губить нельзя, то ничего и не будет.

— Зря губить нельзя! Для жизни — можно. Ты маленький из мамы молоко пил? Пил. Ты у нее отбирал? Отбирал. Она тебе давала. А если грудь грызть начал, захотел мясом питаться? Кто тебе разрешил? Никто. Мать себя, как надо, детям отдает. Тайга — мать наша. Бери у нее, как у матери молоко, сколько для жизни надо. Убил на охоте медведя, тело рушить будешь, куда жизни перейти? А? Ты себя медведем не помнишь?

Копырев смутился и, чтобы скрыть смущение, улыбнулся:

— Я, дедушка, наверное, зайцем был.

— Может, и зайцем. А я не все вспомнил. Думаю вот и думаю. Хожу по тайге, слушаю, понимаю. Плачет тайга, жарко ей. Плачет. Как бы зла большого не сделалось, парень. Ой, не дай бог зло сделать.

— Дедушка, а ты когда медведем станешь? — спросил Илюшка.

— Скоро, скоро, Илько.

— Ты мне ножик отдай свой тогда.

— Отдам, Илько, отдам.

— Ты про что это лахмаден-то разводишь, дед?

Ефимов давно уже слушал рассказ Авачана, сидя на береговом свалке. Опухшее со сна лицо было измято и нетрезво.

— Копырев, принеси воды, все равно не спишь, — попросил он, и Копырев встал и пошел к реке, где стояли еще с ночи оставленные кем-то ведра.

Когда он черпал воду, рядом тяжело ударила рыба. «Что ж, и рыбой кто-нибудь должен стать?» — вдруг подумал и тут же отогнал от себя эту мысль. «Вот чудак, наслушался сказок, как маленький». Но сам не поверил этим мыслям и, чтобы не думать, зашвырнул тихонечко, пошел в гору крупным шагом, стараясь разом задохнуться.

Ефимов долго умылся, фыркнул, сморкаясь и отплеываясь. Копырев поливал ему на спину, на шею, в руки.

— Чего это там старик брехал?

— Так, о тайге говорил.

— Здоров врать. Гы-ы — медведь. Полей-ка на спину... Ах, хорошо, хорошо... Лей, лей...

— Ефимов, мы в обратную идем, надо что передать? — подошел Степа, встал, рассматривая сильное, загорелое тело Ефимова.

— Не, ничего. Скажи Аксентьеву, через неделю пусть перекидывает нас. Все сделаем. Понял?

— Понял. — Степа уже вроде бы собрался уходить, да вдруг замялся, сказал, смущаясь: — Костры, пожиги делать в тайге не надо. Тайга горячая, вспыхнуть может.

— А ты что, пожаринспектор? — Ефимов выпрямился, растираясь руками, сгонял с себя воду, кожа упруго ходила под ладонями. — Не жгем мы, не жгем! Что, у меня головы нету? Или я дурней твоего деда? Хочешь выпить?

— Нет. — Степа отрицательно покачал головой. — А как же ты через неделю собираешься на новый знак? Если землю не жгешь?

— А вот так, по-стахановски. Скажи, чтоб через неделю перебрасывали. А может, выпьешь? Ох, хорош больно спирток, жена прислала. А?

— Нет.

— А ты выпьешь? — Ефимов повернулся к Копыреву.

— Если немножко только, для сна.

— Много я тебе и не дам.

Разведенный еще с ночи спирт был теплым и неприятным. Копырев с трудом выпил граммов сто и закашлялся.

— Ты и пить-то не можешь. Эх, Копырев, Копырев, что за человек только? Иди спать, а то на работу не добудешься.

Ефимов взял удочки и направился к реке.

Аксентьев в письме просил «форсировать работы». План под угрозой, а значит, и прогрессивки и премиальных не будет. Вся надежда на его, ефимовский, участок. Успеет сдать вышку за десять дней — будет план. Об этом просит и начальник экспедиции. «Я им за десять две дам», — думает Ефимов, выбирая место для заброса удочки.

Четырнадцать лет ходит по тайге Ефимов. Начинать он мальчишкой. Кайлил землю, рыл шурфы, таскал на своих плечах бревна, валил лес, строил в самых гиблых местах геодезические знаки, голодал и холодал. Чего только не было за эти четырнадцать лет! Всякого было. И только никогда не был Ефимов позади других, и тогда, когда рабочим, и бригадиром, и теперь вот техником. Всегда впереди других Ефимов. А потому и все уважение ему, и поощрения, и премии, и деньги хорошие. Совсем ладно в жизни стало, когда пришел на работу начальником партии Аксентьев, а начальником экспедиции Хаенко. Ни тебе докучливого глаза, ни моралей — работай как знаешь, полное доверие. А знал Ефимов много. Как деньгу экономить, обойдись меньшим числом людей в бригаде, нежели положено, какую подешевле технику применить, как мерзлоту или скальную породу сподручнее вынуть, как вместо пяти положенных по плану знаков за сезон поставить восемь. Много знал Ефимов: царь и бог он в тайге.

Забросив подальше от райцентра бригаду Ефимова, на самую границу района, Хаенко и начальник партии Аксентьев давали право работать технику так, как ему заблагорассудится, дабы подтянуть кривую выполнения плана, которая нынешним летом поднималась крайне медленно. «Ефимов не подведет, Ефимов сделает». И Ефимов делал, он знал цену копейки. «Работа — это деньги. За деньги можно сделать все. На что Копырев небитый парень, а и он испугался, что выгонит его из бригады Ефимов. Побежал на сопку, набил шурф плахами, поднял пожиг. Бойтся копейку свою потерять. Деньги — они сила. За деньги и коммунизм строится. За деньги! А то как же, — думал Ефимов, поминутно таская из реки крупного бойцового хариуса. — Прожгем мерзлоту за милую душу. Четырнадцать лет жгу — ничего. Сушь в тайге! А, где наша не пропадала — пронесет!»

Пожиг Копырев сделал нормальный. Не очень и большой, но жаркий. Ефимов сам сходил на сопку, проверил и еще подкинул плах в огонь... Дело не ждет, дело делать надо. Сухо, конечно, в тайге. А что делать? Не сидеть же сложа руки. Риск? Конечно. Но

не рискует тот, кто ничего не делает... Ефимов не подведет. Ефимов сделает. Вот Аксентьев ахнет — уже перебрасывать! Вот так Ефимов! Через три дня Степка со стариком придут в Буньское...

Солнце, выйдя в зенит, будто бы прекратило свой ход, повисло, горячее, в пустой беспредельности вылинявшего неба. Где-то застрекотал самолет. Надоедливый, сухой стук мотора нарастал, и вот из-за сопки бредущим вынырнул «АН-2». Он развернулся над самым лагерем, разом взмыл ввысь, набирая высоту вдоль русла Чоки, и там, у белых гольцов, снова круто развернулся и пошел на лагерь, продолжая карабкаться вверх.

Ефимов следил за ним, и, когда сухой стрекот во второй раз стал наплывать на лагерь, теперь только приглушенный высотой, он поспешно смотал удочку, подхватил садок и заспешил к палаткам, провожая глазами отделившийся от самолета предмет, — летчик выбросил выпел. «Будут прыгать», — подумал Ефимов...

...Копырев проснулся от рева мотора. Самолет, почти касаясь верхушек деревьев, стремительно пронесся над ним, казалось, вжимая все живое в землю. Под марлевым пологом было душно, тень поречных кустарников совсем не защищала от жары. Копырев повернулся на спину, проследил за черной тенью самолета и, когда она скрылась, все продолжал смотреть в пустое раскаленное небо. Рев самолета снова наплывал на него. Копырев скоро увидел «АН-2» высоко над собой. Он плыл в небе, чуть набирая высоту, и вдруг из-под крыла отделилась крохотная капелька, за ней вторая, третья. В небе белыми вспышками распахнулись парашюты, и было видно, как крохотные человечки что-то делают там, под куполами, обживаясь в этой неуютной пустыне.

Копырев откинул полог и как только распутился первый парашют, услышал вдруг отчаянный голос там, у палаток:

— Горим! Горим, братцы! Горим!..

Натягивая брюки и энцефалитку, Копырев все глядел и глядел в небо на приближающихся парашютистов и не мог никак попасть ногами в сапоги, и, когда снова закричали у палаток: «Братцы-ы-ы, пожар! Горим, братцы!» — кинулся, не разбирая дороги, на этот крик, ощущая всем сердцем уже не только свое горе и свою беду, но что-то значительно неотвратимое, что должно свершиться вот сейчас.

ГЛАВА IV

В связи с тем, что в районе создалось чрезвычайное положение с лесными пожарами, которые действуют на больших площадях, в условиях высокой пожарной опасности и во исполнение указаний облисполкома исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся решает:

Объявить в районе чрезвычайное положение, связанное с лесными пожарами, для чего:

— обязать руководителей организаций и учреждений райцентра выделить и направить в распоряжение лесхоза всех мужчин на тушение лесного пожара, действующего в районе реки Чона (50 км от Буньского), с инвентарем и продуктами питания на 5 суток. Обеспечить явну выделенных людей в лесхоз и указанному времени.

Из решения исполкома Авлаканского райсовета «О неотложных мерах по ликвидации лесного пожара» от 9 июля 1971 года.

— Братцы, горим! Горим, братцы! — кричал Вениамин Красноштанов.

Его зимовье, хлипкое, кое-как скатанное строение, стояло по реке, чуть ниже лагеря геодезистов. Вот уже пятый день Вениамин отлеживался на нарах после дремучего двухнедельного запоя. Он убежал сюда из Буньского от стыда, который все еще посещал его, от страха, что у Елены — жены Красноштанова — наконец лопнет терпение, и она заявит на него в милицию. Как добрался к зимовью, плохо помнил, шел он тропой несколько дней налегке, прихватив с собою только ковригу хлеба, которую и щипал весь долгий путь. После запоев он мог не есть неделю, довольствуясь самым малым. Но в этот день дальняя дорога, нестерпимый зной, головная боль (пил он только «Солнцедар») измотали Красношта-

нова, и в зимовье он приплелся голодный, как волк. Четыре дня питаясь только одной рыбой, он спал в зимовье, истекал потом и мучился от великого засилья комара.

Отоспавшись, Вениамин сходил в лагерь, отнес туда свежей рыбы—ее в Чоке было хоть ложкой хлебать,—разжился махоркой, мукою, сахаром и снова залег в зимовье, предоставив экспедиционникам две куклы своих сетей.

Этой ночью в зимовье пришла Лена, худая, измученная, с изможденным, но все еще хранящим признаки красоты лицом, чуть сгорбленная от вечной работы. Лена не знала отдыха с тех самых пор, как вышла за Красноштанова. Вот и сейчас, оставив трех малых детей на попечение старшей дочери, собрала она кое-какие продукты и, болея сердцем, что муж ушел в тайгу, не прихватив даже самого необходимого, одолжила лошадь и, взяв на работе на неделю отпуск, поспешила в тайгу.

— Чего пришла? — сонно пяля глаза, спросил Красноштанов.

Лена, не отдохнув с дороги, уже охлопывала все вокруг и, награв на костерке воду, мыла полы в зимовейке.

— Есть тебе привезла.—Выпрямилась, отбросила спустившиеся на лицо заметно поредевшие волосы, отжала тряпку, которой мыла заляпанный жирный пол, и понесла на двор ведерко.

— Ишь, комаров напустила! — заворчал Красноштанов, в душе радуясь, что Лена все-таки пришла к нему.

Поднялся с нар и, шлепая босыми ногами по мокрому полу, вышел следом.

— Рыбу-то солил? — Лена глянула на бочки, кое-как сваленные под лабазом.

— Где же ее посолишь? — неопределенно ответил он, скрываясь за углом зимовья.

— Что зимою есть-то будем? Как детей-то обихаживать? Иль наработаешь?!

Красноштанов вот уже восемь месяцев нигде не работал. «Советский безработный» — называл он себя в такие периоды жизни, которые переживал не так-то уж редко, но сердцем об этом не болел.

Вышел из-за угла, потянулся, глянув на реку, всю в выплесках и кругах гулевой рыбы.

Был Красноштанов угловат, неповоротлив. Длинные и сильные руки с пудовыми кулаками, которые в пьяном буйстве пускал он в ход весьма неосмотрительно, висели чуть ли не до колен. Грудь его, словно бы всегда полная воздуха, выпирала из рубахи, а спина, наоборот, была как бы вогнута вовнутрь. Лицом Красноштанов был чист и даже по-своему красив, прямой, четко обрисованный нос, тонкие насмешливые губы, большие глаза под густыми бровями, хорошо очерченные скулы и только лоб не вышел: был он неожиданно мал на этой крупной, всегда чуть откинутой голове, и волосы малой скобочкой начинали расти чуть ли не от самого переносья.

— И то, пожалуй, сети-то надо поставить,—раздумчиво произнес он, не обращая внимания на жену, и спросил, словно бы обратился в пустоту: — Ты когда обратно-то?

— День побуду еще.

— Ладно, — разрешил Красноштанов. — Лошадь-то промхозская?

— Чья ни была, а вот тебе жратву привезла.

— Опять, поди, за нее спину гнуть?

— Не твоя печаль.

— Ладно, я пошел. Детям хариусков натягаю. Как дети-то? — Ему казалось, что не был он дома по крайней мере месяца два.

— Что им? Отца не видят, и слава те.—Лена отвечала спокойно, без признака какой-либо обиды, так, по долгу, что ли: надо отвечать и отвечает. Все доброе, что питала она когда-то к Красноштанову, сам он нещадно выполол в ее душе, вымучил, заставив лишиться и слез и обиды. Только жалость осталась в сердце Лены, неоправданная жалость к этому далекому, грубому, а порою просто мерзкому человеку. Она жалела его не из-за того, что он все еще оставался ее мужем, отцом ее детей, мужчиной в редкие минуты отрешенной близости, жалела она его, как жалеют только за то, что ему суждено было родиться от людей. В этой жалости была еще и вечная бабья надежда: а что если опомнится мужик, исправится, тогда все залечит время.

(Продолжение следует.)

Николай ТИХОНОВ

Неумолимо уходят годы. И уже много картин прошлого заволокло туманом, не вспомнить иных бесед и самих собеседников. Сколько в долгой жизни встречалось людей, но память порой сохранила только смутный их облик, и нужны большие усилия, чтобы восстановить далекий образ.

Но есть лица, которые так четко остались в памяти, что стоит только закрыть глаза — и вот они, знакомые, дорогие черты.

Долгие годы я знал Ольгу Дмитриевну Форш. Разница лет не мешала нашему долголетнему общению. Наоборот, с годами оно все больше укреплялось и углублялось. Лицо у нее было запоминающееся, такое выразительное, живописное, многозначительное и красивое особой внутренней красотой...

Когда я познакомился с Ольгой Дмитриевной, она была уже известной писательницей и лет ей было не так мало, но я тогда уже подпал под влияние этого очаровательного человеческого облика, и мне доставляло большое удовольствие глядеть в эти пронизательные, добрые, широко смотрящие на мир глаза, слушать ее неповторимые рассказы, ее острые шуточки, ее глубокие раздумья о судьбах писателей, ее литературные замыслы.

Она казалась мне явлением совершенно необычайным. Среди молодых людей, несдержанных, жадных до всего нового, выброшенных на неизвестный берег будущего бурей величайшей революции начинающих литераторов — пришельцев из разных краев и городов, гремящих, спорящих, имеющих смутные представления о происхождении и значении русской литературы, Ольга Дмитриевна Форш представляла как бы полномочного посла от дореволюционной классической литературы и такого же молодого, но умудренного уже высокой культурой и тяжелой жизнью писателя, который должен был найти переход от прошлого к сегодняшнему дню, не пожертвовав ни внутренней свободой, ни связью с классиками.

Ольга Дмитриевна, казалось, наследовала путь, который был начат еще декабристами на Сенатской площади и продолжен через всю историю России ее лучшими сынами, и теперь этот путь она связывала с новыми днями, с обществом, которое родилось под залп «Авроры», с ленинскими речами об устройстве небывалой Советской республики.

Как ни странно, она работала больше, чем молодые. То ли потому, что они проводили много времени в дискуссиях и спорах, то ли потому, что не имели культуры работы, но ее первый исторический роман — плод большого труда и знания — прозвучал молодо, опередив многих авторов.

И всю свою творческую жизнь, поражая богатством тем и непрерывностью труда, Ольга Дмитриевна Форш была примером для всех, стоя в ряду зачинателей советской литературы.

Она написала первый исторический роман «Одежды камнем». За ним последовали другие романы исторического плана, составившие целую серию книг; она написала острые, полные незлобиво юмора рассказы, создала пьесы на самые современные темы, бичующую сатиру о нравах Запада, популярные сценарии, по которым сняты фильмы, — их смотрел миллионный зритель.

Происходя из военной семьи, она как бы впитала военную закалку, и та помогла ей в жизни переносить труднейшие испытания, всевозможные лишения, беды и огорчения. Мужество ее выдержало натиск, и служение искусству продолжалось с таким упорством и

Из книги воспоминаний об О. Форш. Готовится к выпуску издательством «Советский писатель» (Ленинград).

БОЛЬШ

жертвенностью, что в самых больших годах старости она чувствовала себя, как Суворов после швейцарского похода, — усталой, но воспрянувшей снова духом, снова одержавшей победу.

...

А познакомились мы с ней в старом доме, носившем странное название «Диск». Полное его название — Дом искусств.

Дом этот и сейчас стоит, выходя одной стороной на улицу Герцена, другой на набережную Мойки. Про этот дом уже написаны рассказы, статьи и исследования, и поэтому скажу только, что он принадлежал купцу Елисееву, и в нем поселились писатели, поэты, художники. Максим Горький устроил им там возможность проживания.

Там в 1920 году, приехав из Киева, поселилась и Ольга Дмитриевна. Дом был странный и внутри, потому что комнаты, в которых проживали писатели и причастные к искусству лю-

ди, были неравные. Кто жил в бывшей ванной и в предбаннике, кто в каморке рядом с гимнастической комнатой, где стояли искусственные кони, велосипеды и силомеры. Иные проживали в так называемом «обезьяннике», бывшем помещении елисеевских слуг.

На огромной кухне при свете свечи читал известный философ. В парадной части происходили литературные вечера и заседали студии, которыми руководили выдающиеся ученые, критики, поэты и прозаики.

И туда сквозь фантастику этих помещений я приходил к Ольге Дмитриевне. Так началось наше знакомство. Она привлекала к себе сердца, потому что никогда не выделялась, не требовала к себе особых знаков уважения, не имела честолюбия, того мелкого, но ядовитого, каким были насыщены иные обитатели этого дома, но она ни в чем не уступала ни молодым, ни старым в споре о тех приемах творчества, в которые она твердо и решительно верила.

Каждая беседа с ней обогащала молодого литератора. Каждое ее высказывание было щедро насыщено примерами из классиков, и ее ироническая критика заставляла задумываться молодого искателя новых форм литературы...

Этот дом с его удивительным бытом, необычайными происшествиями и невероятным населением стал темой интереснейшей книги Ольги Форш, названной ею «Сумасшедший корабль».

Писательница любила эту свою книгу, считала ее даже лучшей и так характеризовала ее: «В этой книге мне хотелось закрепить весь путь и конец былого «русского интеллигента».

Роман был написан с большой страстью и издан в свое время. Все бывшие жильцы Дома искусств разгадали себя, были раскрыты все псевдонимы, иные из которых были прозрачны...

В статье «Как я пишу» Форш сама признавалась: «А героев своих я не слышу, не осязаю, но прежде всего «вижу». Глазами художника, внутренним своим зрением «видела» она людей других эпох и, прежде чем они не станут реальными в сознании, как люди знакомые ей во всем: и в одежде, им подобающей, и на фоне, им необходимом, и в среде, где нужно им действовать,—она не приступала к обработке материала.

Один читатель говорил мне, что, попав случайно впервые с экскурсией в казематы Петропавловской крепости, он испытал страх, который в нем жил давно, с того дня, когда он впервые прочел «Одеты камнем».

Впечатление было так сильно, что он пережил казематы раньше, чем их увидел в натуре. Портретные описания под пером Ольги Форш приобретают столь же необыкновенную жизненность, потому что она смотрит на своих героев глазами большого художника.

Она охватила действием своих исторических романов и дальние — европейские — города и окрестности Ленинграда. И в самом городе, даже встречая то, что вы знаете по наследию классиков, вы вспомните об Ольге Дмитриевне неоднократно. Она сама приводит случай, с ней бывший, когда она присоединилась к экскурсии по Петропавловской крепости. Она смотрела так внимательно, что, когда экскурсанты ушли, девушка-экскурсовод завела с ней разговор.

Форш с довольной и иронической улыбкой рассказывала, как девушка сказала примерно так: «Как хорошо, что вы, бабулечка, интересуетесь стариной, как молодая. Хотите знать о нашем революционном прошлом. Но если

испуганной дворянской Россией, как Радищев, беспощадный патриот и революционер, как Гоголь с его трагедией, художник Александр Иванов, архитектор Баженов и другие, навечно закрепленные на страницах вдохновенных книг. Они явились перед новыми поколениями, как борцы за счастье Родины, за ее будущее.

...

Мы знаем, как изнашиваются и стареют таланты, но какая-то особая жизненность, особая сила вечной молодости присутствовала в даровании Ольги Дмитриевны Форш. Многие литераторы могли бы у нее поучиться той солнечной легкости и неистребимой энергии, которыми пронизаны страницы ее книг.

«После каждой работы,—признавалась она,—только на короткое время я испытываю радостное опустошение, но очень скоро опять прихожу в особого рода беспокойство». Это правда.

Для нее вопросы работы писателя над материалом были вопросами самыми основными. Она говорила: «Тему надлежит автору, вобрав в себя, вернуть обогащенной совершенно новым и, самое главное, до него не бывшим эстетическим объектом. Только такой автор, рождающий из действительности новую реальную эстетическую ценность, и есть художник».

Но она, ища самый высокий уровень в своей писательской работе, в раздумьях об особенностях этой работы всегда отделяла «каприз» писателя от новаторства. Она начертала три условия, для звания художника обязательные:

«Итак, условие первое для звания художника: овладение темой до претворения ее в новую словесную ценность, в доселе не бывший эстетический объект.

Второе условие: писать просто.

Условие третье: писать с такой силой, чтобы вызвана была принудительность восприятия».

И приводила в пример новое изображение Льва Толстого, сделанное Максимом Горьким так отлично от всех предыдущих, иконописных изображений великого писателя.

Но вместе с тем она всегда защищала и писательские поиски, право писателя на искания новой формы; пусть эта форма найдет полное выражение значительно позднее, но опыты такого рода нужны, так как способствуют общему развитию новых форм нашей литературы. «Смелость искателя не всегда оправдана сразу. А как бы выглядела наша поэзия без смелых достижений Маяковского, которые она нынче взяла на свое вооружение?» — говорила Ольга Дмитриевна.

но он еще был не так близок. Форш чувствовала себя усталой, но с каждым днем силы ее прибывали, и она скоро стала такой же гостеприимной, доброй, готовой откликаться на все живое.

Она вернулась в Ленинград осенью 1944 года и сама увидела страшное наследие войны.

«Судьба Ленинграда, особо близкого мне города, заставила меня сосредоточить на нем все мои мысли и способности, задуматься, чем и как мне ему послужить». Это высказывание, сделанное Ольгой Форш, в высшей степени характерно для направления всей ее последующей работы.

Город необычайной истории, только что совершивший величайший подвиг — остановивший у стен своих самые сильные армии, грозившие полностью его уничтожить, перенесший гигантские муки, заплативший неисчислимыми жертвами за свою победу, показавший классическую высоту духа своих жителей, этот город стоял перед ней израненный, изувеченный и все же великолепный, неповторимый в своей особой, удивительной красоте.

И она сама писала о том, что хочет создать два романа: один — посвященный Петербургу, и другой — Ленинграду.

Роман «Михайловский замок» был первой частью романа о Петербурге.

...

Я когда-то, по любви к горам, странствовал в долинах Аварии, над которыми, как фантастический утюг, каменный, угрюмый, возвышается Гуниб. Там, на верхнем Гунибе, еще белеют омытые столетними дождями развалины последнего аула Шамиля и растут березы в роще, где окончилось его многолетнее сопротивление.

В середине Гуниба стоит большой белый дом, со стенами почти двухметровой толщины. Из окон дома раскрывается безмерная пропасть, в глубине которой шумит река.

Я знал, что в этом доме родилась будущая писательница, мне легко было и странно вместе с тем воображать, как маленькая девушка смотрит большими, удивленными глазами на необъятный мир гор, на орлов, проносащихся ниже ее по ущелью, слышит шорох их серо-стальных крыльев и видит исчерченные темными выходами пород отвесы Кегерского хребта. Мне кажется, что эта природная ширь, эта суровость окружающего и какая-то внутренняя свобода остались в ней от этих неповторимых ощущений детства, запахи горных трав, краски, весь простор мира...

А Я Д У Ш А

вы так интересуетесь, то прочитайте один роман. Там все описано подробно. Он называется «Одеты камнем». Написала его одна писательница — Ольга Форш. Если вы боитесь, что не запомните, я вам напишу, бабулечка, и название и автора». «Нет, нет, спасибо, я запомню», — сказала Форш.

— И вот так я ушла «бабулечкой», — довольно смеясь, сказала Ольга Дмитриевна.

И если вы отправитесь от Петропавловской крепости, то сразу увидите и другие каменные «страницы» — предшественницы романов. Вот Зимний дворец, площадь Декабристов, Михайловский замок — эти свидетели прошлого сразу воскресят в памяти романы О. Форш.

А если вы окажетесь в Пушкине, бывшем Царском Селе, в Павловске, в Гатчине, где после войны многое изменилось, а иное исчезло безвозвратно, знайте, что в книгах писательницы все эти места увековечены тщательно и четко, как и герои, которые всегда будут в памяти народа, такие, как Пугачев, вставший над

Когда наступили жестокие годы Великой Отечественной войны, Ольга Дмитриевна Форш была с семьей эвакуирована на Урал, жила в труднейших условиях, бедовала и горевала, много пережила трудностей, ездила в экспедицию Академии наук в Среднюю Азию. ...В эвакуации она очень сдружилась с молодой и красивой украинской поэтессой Оксаной Иваненко. Часто они вдвоем принимали гостей. Говорили, конечно, о событиях на фронтах, о жизни в тылу. Ольга Дмитриевна много работала на Урале, собирала в Алма-Ате материалы о панфиловцах, писала статьи, отказалась от празднования своего юбилея — ей исполнилось семьдесят лет: «Для банкетов сейчас не время».

Приехала Ольга Дмитриевна в Москву весной 1944 года. Она жила в гостинице «Москва», и к ней, конечно, началось целое паломничество. Война уже перешла свою решающую грань, уже ясно было, что она идет к концу,

Когда я писал вступительную статью к восьмитомнику Ольги Форш, я перенес туда это гунибское впечатление и получил письмо от 10 февраля 1955 года, где Ольга Дмитриевна, говоря об этой статье, пишет: «И как это удалось Вам сказать самое главное, указать истинный источник, откуда вытекла вся моя работа?

Ну, конечно, это Гуниб. Его незабвенная, навсегда восхитившая воздушная перспектива, его уходящие вдаль, в небо горы...

Именно это определило подсознательно характер и ритм речи, когда пришла зрелость мысли...

И не только Дагестан, где началось ее детство, но и Грузия и очаровывающий всех город на Куре — древний и вечно молодой Тбилиси — не раз встречали ее и одаряли дружбой и любовью. Она написала ряд рассказов про эту пленительную красоту Грузии и завязала живые связи. Я был там с ней еще зимой 1933 года вместе с бригадой писателей. Мы встречались и с писателями, и с рабочими, и с ар-

тистами, и с общественностью, которая тепло приветствовала гостей...

Она бывала вместе с нами в домах всех известных поэтов и всюду стала широко известна. И когда мы возвращались домой в Москву и Ленинград, с нами ехали грузинские поэты...

Путь был заполнен стихами и рассказами, беседами за стаканом доброго хвехтинского. Странствуя по гостям из вагона в вагон, я где-то потерял свою старую кепку, а на дворе был мороз. Ольга Дмитриевна заметила: «Нельзя вам возвращаться домой с непокрытой головой. У вас есть что-нибудь?» Я виновато сказал, что у меня есть хвехтурские рукавицы. Большие, толстые.

— Дайте мне,—строго сказала она, и я покорно отдал рукавицы.

Перед Ленинградом она вручила мне шапку удивительной формы. Она сделала ее из рукавиц.

— Не думайте, Коля, что я погубила ваши рукавицы. Дома вам разошьют мои нитки, и вы получите снова рукавицы...

Я приехал в ней домой и почти обманул всех, сказав, что это хвехтурская шапка, которую мне подарили, но одна маленькая девочка разоблачила меня. Она громко сказала: «Какая это шапка — палец во какой торчит...»

В последнем, вышедшем перед самой Великой Отечественной войной номере журнала «Звезда» был напечатан мой рассказ из дагестанского цикла «Кавалькада».

Уже после окончания войны как-то при встрече она похвалила рассказ за верные краски горного пейзажа, за легкость изложения и потом несколько раз возвращалась к нему...

...

Ольга Дмитриевна Форш дружила со многими выдающимися писателями старшего поколения и с молодыми писателями, появившимися после Октября, но особенно надо выделить ее дружбу с Максимом Горьким. Их встречи были и до революции, но настоящая хорошая переписка завязалась много позднее. Алексей Максимович чрезвычайно выделял талант Ольги Форш, дорожил ею и называл ее «умной душой». Недаром в «Сумасшедшем корабле» он занимает особое, высшее место в писательской иерархии и все, что она говорит о нем, наполнено любовью, уважением, глубоким чувством и некоторым чудесным ощущением, что он вроде «моста», соединяющего старую русскую литературу с новой: «Сейчас позабыли, но все прошло по нему...»

И Горький называл ее «чудеснейшим человеком», писал ей после получения книги «Под куполом»: «Старый, прокопченный литератор и писатель, я такие книги, как «Под куполом», читаю — т. е. воспринимаю — с радостью».

Она жила, гостила у него в Италии, в Сорренто. Их переписка очень важна для понимания того внутреннего, что сидело в каждом из них и что требовало отклика писательского и человеческого.

...

В яркий, зимний, солнечный день, когда Москва тонула в голубом холодном блеске, когда декабрьское солнце заставляло особенно жарко светиться малые и большие купола кремлевских соборов и крыши дворцов, литераторы, приехавшие со всех концов советской земли, шли в большом возбуждении в Кремль — на открытие Второго всесоюзного писательского съезда. Со времени Первого съезда прошло двадцать лет. Писательское волнение было вполне оправдано.

Делегаты проходили по широкой лестнице, над которой на огромной картине рублились воины Дмитрия Донского с полчищами Мамая, толпились в белом Георгиевском зале и рассаживались в зале заседаний Большого Кремлевского дворца, где происходило столько исторических, знаменитых выступлений, столько стояло на трибуне замечательных ораторов...

Теперь эта трибуна предоставлялась писателям, и все ждали, кто первый появится на ней и откроет своим словом съезд.

И вот настал момент, когда на заднем плане большого, пустого президиума появилось двое людей. Они медленно, не торопясь, почти торжественно приближались к столу президиума.

Константин Александрович Федин, как всегда представительный, с плавными и уверенными движениями, почтительно подвел к столу Ольгу Дмитриевну Форш.

Первый съезд открывал Максим Горький. Теперь по праву старшинства съезд открывала Ольга Дмитриевна Форш. Это было очень хорошо, очень естественно. Перед собравшимися стояла всем известная, любимая, умная писательница, автор многих популярных книг, которой старейшины поручили вступительную речь.

Уверенным, звонким, молодым голосом говорила она простые и большие слова о вкладе советских писателей в народную жизнь, о силе нашей литературы, живущей «интересами народа, государственными задачами строительства коммунизма».

Она говорила о многонациональности советской литературы, о том, что «вместе с нами — вся прогрессивная литература мира...».

Ее лицо было освещено внутренним огнем, глаза блестели, гордость за то, что ей поручили от имени всех, первой, сказать слово на таком знаменательном собрании, как-то сливалась с тем чувством высокой писательской ответственности, которое всегда жило в ней, и жаром этого чувства горели ее щеки.

Много раз видал я Ольгу Дмитриевну в самой разной обстановке, но этот день с ее словом съезду был днем особенным, и потому он и запомнился особенно ярко.

...

Я получил от нее письмо из Тярлева, это около г. Пушкина, в июне 1958 года. Она писала, что у нее «очень болит правая рука. Но время идет, рука не проходит... Я собираюсь все лето жить у себя в Тярлеве, рисовать, читать... Дети и внуки мои разлетаются... У нас кругом необычайное цветенье фруктовых деревьев, ремень выше роста большого человека да еще полтора метра кверху, как желтый венник-цветок. Здоровье неважно и сердце и рука и ноги. Но рисовать могу и счастлива...»

Старость стояла за спиной. На глаза опустилась синяя пелена. Приходилось приучать себя к худшему. Все ее существо, полное запасов какой-то скрытой энергии, протестовало. И пока сознание справлялось со всякими тревогами и ожиданием неизвестного, она работала над планом новой книги «Первенцы свободы». Чудо совершилось: врачи оперировали оба глаза, она стала снова видеть краски окружающего мира. И она написала роман и взялась за карандаш и начала рисовать, как в былые годы.

В эти самые тяжелые периоды она сохраняла свое удивительное мудрое, жизнелюбное ощущение продолжающегося бытия.

Я видел ее последний раз зимой 1960/61 года. В тусклый зимний ленинградский день, когда комнаты кажутся какими-то особо уютными, пустынными и холодными, и она на мгновение показалась мне усталой, во власти болезненной слабости, делавшей ее обычно оживленное лицо бледным и строго сосредоточенным. Казалось, ей трудно вести разговор.

Она сидела, полускрыв глаза, и говорила медленно, очень размеренно, тихо. Постепенно лицо ее становилось теплее, глаза начинали блестеть, потом на губах появилась ее умная, тонкая усмешка, и речь стала уверенной, громкой, выразительной.

Передо мной была та Ольга Дмитриевна, которую мы знали и любили так давно. Она говорила теперь о книгах и людях со свойственной ей привычной страстностью, она смеялась, шутила, негодовала и восхищалась.

Одна книга осталась недописанной. Она заранее называлась «Живописной автобиографией» и должна была вместить всю жизнь писательницы. Шесть десятилетий, а то и больше должны были найти в ней место. В этой книге воспоминания, документы, литературные портреты должны были чередоваться с рисунками самого автора.

Над всеми ее историческими книгами, трудами многих лет жизни звучит, как эпиграф, ее собственная фраза: «Словно нравственным долгом стала для меня задача: воскресить и закрепить для будущего то, что русская история забыть не может и не должна».

Нравственный долг писательницы побудил создать много книг, которые каждое новое поколение читателей встречает, как добрых друзей, так хорошо говорящих о любви к жизни, к людям, к свободе, к человеческому счастью.

СТРЕЛЫ НАУКИ

Борис Агапов — один из зачинателей советской научной публицистики. Филолог по образованию, на свою стезю он вышел в тридцатые годы, когда печать наша переживала новый период — надо было популяризировать технический прогресс. В те годы Борис Агапов надолго «заболел» химией, производством пластмасс. Его приглашали выступать с докладами даже в специальные химические институты. А потом — ночевая жизнь журналиста, бесчисленные поездки по стране, за рубеж, встречи с самыми разными людьми. И все это для того, чтобы сохранить верность делу всей жизни — активной борьбе за то, чтобы наука, именно советская наука все плотнее входила в жизнь общества.

Исподволь, скрупулезно собирался материал и для главной книги «Взбирается разум». Можно без преувеличения сказать, что писалась она всю жизнь. Автор отважно взялся за тему, о которую ломались перья многих его собратьев по профессии, — настолько она трудна, необъятна и не исследована: он решился на разговор о природе научного творчества, о месте художника в рождении новых идей. Для этого мало только встреч — пусть и с очень интересными людьми, мало быть свидетелем столкновения диаметрально противоположных мнений, когда в жестких спорах высеклась истина. Для этого требовалось и философское осмысление увиденного, прочитанного, экскурсы в историю — не вчерашнего дня, а гораздо дальше. И все ради того, чтобы получалась «многокрасочная картина извечного поступательного движения человеческого разума, цель которого — совершенствование окружающего нас мира, построение коммунизма».

«Космос, планета, атом», — пишет Борис Агапов, — таковы три главных направления, по которым движется наука в наше время. За двадцатый век и даже за последние тридцать — сорок лет здесь сделано больше, чем за все предшествующие тысячелетия. Скорость прогресса сама прогрессирует, и скорость этого прогрессирования тоже растет. Скорее всего, как это обычно и бывает в развитии знаний, новые факты открывают и новые пути в науке. Центральными могут оказаться проблемы, о которых никто сейчас и не подозревает, или такие, которые в наши дни ученые видят где-то с краю, как бы боковым зрением. Будут ли они связаны с фундаментальными понятиями времени, пространства, бесконечности Вселенной — кто знает? Но одно несомненно: никогда не было в истории такого напряженного ожидания великих открытий, как нынче».

«Прости меня, Ньютон!» Это, конечно, здорово сказано, когда это сказано Эйнштейном. Как хотелось бы знать, как жгуче хочется услышать того, кто получит право сказать: «Прости меня, Эйнштейн!»

История науки так и складывалась, что кто-то всегда (пусть и не вслух) говорил своему предшественнику: «Прости меня!» Без этого не было бы самой науки.

Книга Бориса Агапова названа на редкость точно и емко. Да, именно благодаря таким, как Фарадей и Максвелл, Ломоносов и Менделеев, Кюри и Сеченов, Ньютон и Эйнштейн, Маркс и Ленин, и взбирается разум, покоряя одну вершину за другой — и все выше и выше. Агапов — публицист строгого стиля, не любит домисла, его стихия — факт. Каждое слово выверено, одно положение логично вытекает из другого. Да и можно ли иначе, если пишешь о науке, о том, как стремительно растет ее вес в жизни общества, как много она стала значить в решении судеб человечества. И знаменательна концовка книги: «Хочется, чтобы жила красота Земли и люди жили в ней — красивые и счастливые!.. Люди труда, искусства и науки». Ибо главное предназначение науки — служить людям.

М. ХОДАКОВ

Борис Агапов. Взбирается разум. М., «Сов. Россия», 1972.

Мухаммад Овейс
(АРЕ).

НАРОДНЫЙ
ФРОНТ.

Мухаммад Овейс (АРЕ). ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ШКОЛЕ.

Владимир ФЕДОРОВ

БАЛЛАДА О СТАРОМ ЯСЕНЕ

Тетка Евфросинья,
Ты была красивой,
Русая
Роскошная коса...
Только от кручины
Залегли морщины
И увяла
Женская краса.

Рос полуспаленный,
Рос полужелтый
Ясень
Возле вдовьего крыльца.
Тетка Евфросинья,
Не была ты сильной,
Но была бесстрашной
До конца.
Удержала с ходу
У пруда подводу,
Внучек малых
От беды спасла.
Руки не жалела,
Душу не жалела,
Словно песню,
Детям отдала.

Есть простор широкий,
Есть бугор высокий.
Тетка Евфросинья
Там лежит.
Рос у хаты ясень,
Густолистый ясень,
Черная листва
На нем дрожит.

За степной дорогой,
На бугре высоко
Вянут
Немудреные венки.
Над степной дорогой
Над травой-осокой
Шепчут на рассвете
Ясенки.

СЧАСТЬЕ

Мир зеленый
В синей-синей раме.
Свет весенний

Аж в глазах рябит.
Где-то там,
За белыми горами,
Наше детство
В дудочку трубит.

Сказочным цветком
Цветет картофель.
Машет мне
Лукаво конопель.
Брат мой,
Босоногий Мефистофель
Ты в меня
Насмешками не цели!

Вьется под ракетами
Везелка
И журчит.
И я бежать готов.
Над Везелкой
Вспыхнула веселка,
Коромысло
Радужных цветов.

Журавель скрипит.
А может, плачет?

Как в ознобе,
Листья тополей.
Объясни мне, брат,
Что это значит:
Белый пух,
Июньский снеговой?

Ты все знаешь.
Ты глядишь на звезды.
Я молчу
С тобою на крыльце,
И такой
Наш белгородский воздух,
Как вода там,
В ключевом Донце.
Ко всему на свете
Ты причастен.
Я ж пока не знаю
Ничего.
Объясни мне:
Что такое счастье,
Мефистофель
Детства моего.

ПОЛЕТ

Как памятни
Мне станции метро!
Стою на эскалаторе,
Волнуюсь.
Сталь Маяковской,
Белорусской серебро...
Грохочущий экспресс,
Помчимся в юность!

Я снова первокурсник.
Где ж Арбат?
На Киевскую мчусь
Встречать степнячку.
Не заплутался
Под огнем солдат,
И тут не заплутаемся,
Землячка!

Подземный грохот,
И слепящий свет,
И нет великолепнее
Подарка:
Взметнулся птицей
Университет.
Летим,
летим,
летим
Со мною, Галка!

Как памятни
Мне станции метро
И свет смущенных глаз
Под полушалком,
Поверивших
В порыв,

В полет,
В добро!
Летим,
летим,
летим
Со мною, Галка!

КАК СОВЕСТЬ ВЕЛИТ

Матери

1

Нет тебя.
Далека-далека.
И близка.
И до боли близка.
Жизнь изменчива,
Как облака,
И загадочна,
Как облака.

Небо
То высоко,
Глубоко,
То так низко...
Скажи, отчего?
Мама, сыну
Совсем нелегко
Сложной жизни
Схватить существо.

2

Брожу
По притихшей Туле,
Усыпан
Цветочной пылью.
На площади,
Как в карауле,
Сверкают штыки.
И подули
Студеные ветры
В лицо.
Трепещет
На темных ветках
Ребячий
Зеленый пух.
...Все занят,
Бываю редко,
Не высказал
Боли вслух.

Мне грустно,
Мне горько,
Мне больно.
И чудится
Не во сне:
Меж старых
Берез белоствольных
Идет моя мать
Ко мне.

Как в юности,
Черноброва,
А волос —
Черемухи цвет.
В глаза
Заглянула:
— Вова...
Как ты изменился!
Сед...
— Ах, мама!
Твой сын
Упрямый
Порой по ночам
Не спит.
Послушай,
Послушай, мама,
Что в сердце его
Кипит.

3

Помнишь за Волгой
Красный горизонт?
Семнадцатилетними
Шли мы на фронт.

Кто летел, как ангел,
С огненных небес,
В яростную драку
С автоматом лез?

...Свирские болота,
Венский лес...

Стало тихо-тихо.
Смотрим:
Кто живой?..
А вокруг —
Могила
С горькою травой.

Там лежат ребята,
Словно в блиндаже.
Фронт горит, как рана,
У меня в душе.

Если другу туго,
Не могу молчать.
В самом пекле
Друга
Должен выручать:
Буду перед ним и я,
Мама, отвечать!

4

И погладила
Мама
Мне седые виски.
— Ух, какой ты
Упрямый!..—
Взор синел
От тоски.

И сказал
Взор горячий,
Взор
Щемяще немой:
— До чего ж
Невезучий
И везучий
Ты мой!..
Мне и странно
И больно:
Как тебя
Понимать?
Меж берез
Белоствольных
Ты растаяла,
Мать.

Только
Почек смолистых
Пахучий
Обман.
Только
Первые листья
Да белый
Туман.

А вверху
Раскричались
Тревожно
Грачи.
Что ты мне
Не сказала?
Скажи,
Не молчи.

Но в ответ
Только шепот
Пробужденных
Берез.
Горький
Воинский опыт:
Обходиться
Без слез.

Вдруг живой
Голос мамы
Сквозь туман,
Сквозь гранит:
— Будь таким,
Мой упрямый,
Как совесть
Велит.

С Л О В О Т А Н К И С Т А

Может быть, это конкурс для молодых, но ваши вопросы растревожили сердце бывшего танкиста. И вот взялся за перо.

Спасибо за волнующее путешествие в историю страны наших друзей, которое для меня оказалось еще и путешествием в свое собственное прошлое.

Я воевал в 12-й гвардейской танковой бригаде 4-го гвардейского танкового корпуса, командовал взводом. Помню, только что вышли из боев на отдых и переформировку. Расположились в лесу, но не успели даже построить землянки, как получили новый боевой приказ.

Вечером 10 сентября 1944 года уже вступили в бой, и 11 сентября наша 12-я гвардейская танковая бригада (командир Н. Г. Душак) совместно с 140-й стрелковой дивизией выбила немцев из Кросно. 15 сентября корпус включили в состав 38-й армии. В упорных боях взяли Рыманув, за бои в горном проходе трем танкистам корпуса — старшему лейтенанту Спахову, лейтенантам Пикалову и Семе-

нову — было присвоено звание Героя Советского Союза. 20 сентября ворвались в Дуклю. В это время с севера в Дуклю ворвался чехословацкий танковый батальон. Первыми с ними встретились мы, танкисты 12-й гвардейской танковой бригады.

Мне пришлось сражаться рядом с чехословацкими воинами. Все в них мне нравилось: их любовь к родине, ненависть к фашистам, искренние, добрые чувства к СССР, достоинство, с каким они себя вели, даже их военная форма. Помню, провел несколько дней с чехословацкими офицерами. Особенно близко сошелся с одним надпоручиком, имени которого, к большому сожалению, не помню. Не забуду, с какой любовью он говорил о Советском Союзе, а он на это отвечал: «Вот погоди, придем в Чехословакию, тогда по-настоящему узнаешь, как наш народ любит Советский Союз». Позднее, в дни рейда на Прагу, я не раз вспоминал эти слова чехословацкого товарища по оружию.

Особенно запомнилось вступление в город Усти-на-Лабе. Улицы переполнены народом, танки пройти не могут. Женщины бросают цветы, обнимают и целуют нас, черных от машинного масла и дорожной пыли. Всюду красные флаги и национальные флаги Чехословакии. Как мы гордились тогда освободительной миссией, выпавшей на нашу долю!

Один, казалось бы, незначительный случай поразил меня. Как-то мой танк отстал от других. И вот вижу: на перекрестке полевых дорог стоит крестьянин и показывает дорогу на Прагу. Льет проливной дождь, человек весь мокрый, в грязи, босой. Видно, здесь стоит не один час. Но он полон желания хоть чем-то помочь освободителям.

А как чехословацкие воины рвались в бой, как храбро они дрались! Скорее ступить на родную землю — ради этого они готовы были умереть. С болью я вспоминаю подбитые танки Т-34 с чехословацкой эмблемой на броне — их нема-

КОНКУРС
ПУТЕШЕСТВИЕ
В КОСМОС

ло осталось на склонах Карпат, всего лишь 1—2 километра не дошли до родной земли.

Многое забылось. Но никогда не забуду адскую трудность этих боев, постоянное ожидание засады, бездорожье, грязь, дождь, танки, в несколько минут сползающие назад с высоты, на которую взбирались несколько часов. И чехословацких друзей. Именно совместные бои в Карпатах остро развили у меня чувство глубокой симпатии к чехословацкому народу, чувство, которое не могли ослабить годы.

А. ОРЛОВ

Одесская область,
Белгород-Днестровский.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Каждый год я работаю пионервожатым в лагере «Огонек», Московской области. Прошлым летом там гостили ребята из Праги — воспитанники интерната на Петржицах. Они уже несколько лет дружат со своими сверстниками из школы-интерната № 38 Кунцевского района, которые от-

дыхали в нашем лагере.

Хозяева и гости вместе устроили импровизированный концерт, играли в футбол и волейбол, на прощание обменялись адресами и сейчас переписываются.

Чехословацкие пионеры ездили на экскурсии в Бородино, в Волгоград и Ленинград.

Хочется пожелать пионерам Советского Союза и Чехословакии, чтобы дружба, зародившаяся в юные годы, сохранилась у них на всю жизнь. Пусть дружба между нашими народами будет вечной!

Ю. ЗАЙКИН

Москва.

П Р А Ж С К И Й А Д Р Е С

Прага, улица Лиднерова, дом 4. Этот адрес мне никогда не забыть. Там я провел первую мирную ночь после войны. А за несколько дней до этого танковый корпус, в составе которого я участвовал в штурме Берлина, получил приказ выступить на помощь восставшей Праге.

...Танки шли на больших скоростях. От длительного и быстрого пробега накалялись бандажки на катках. Едва мы вступили на чехословацкую землю, в любом большом и малом поселке нас встречали цветами и

возгласами «Наздар!». Несмотря на то, что кое-где еще шла перестрелка, по улицам трудно было проехать, — повсюду толпы ликующего народа, цветы, цветы до самой столицы Чехословакии.

На пути к Праге завязался бой. Гитлеровцы выставили в стороне от дороги противотанковые пушки и «фердинанды». Выстрелом разбило гусеницу соседнего танка, он завертелся на месте, я с короткой остановки двумя снарядами уничтожил вражескую пушку, но с лесной опушки начал строчить крупнокалиберный пулемет. Тогда я

по радию приказал младшему лейтенанту Бондаренко выдвинуться слева к бугру и уничтожить пулемет. Он четко выполнил приказ.

Мой танк стоял на улице Лиднерова. Когда наступил вечер, нас пригласил на ночлег чех Недвалов, который жил, а может, и сейчас живет в доме номер 4 на этой улице. Его дочери и жена приняли нас, как родных, предложили душ, свежее белье и ужин. Пока мы спали, семья всю ночь бодрствовала. И когда мы спросили, почему, объяснили: они охраняли нас, как бы выполняя

долг вежливости по отношению к воинам-освободителям.

Позднее я несколько месяцев жил в Пардубице и в поселке Любихов, и везде к нам относились с большим уважением.

С гордостью ношу я свои военные награды, в том числе орден Красной Звезды и медаль «За освобождение Праги».

Бывший командир танкового взвода гвардии лейтенант в отставке Андрей Поликарпович ГРИГОРЬЕВ

Красноярский край,
село Каратуз.

„Я пошел к директору...“

Заметка Б. Сопельняка «Я пошел к директору...» («Огонек» № 12 за 1973 год) под рубрикой «Коэффициент вредного действия» вызвала читательские письма и отклики торговых организаций. Обстоятельное письмо прислал руководитель Управления торговли продовольственными товарами московского Главторга С. В. Хрущев.

«Управление торговли продовольственными товарами, ознакомившись с материалом под заголовком «Я пошел к директору...», сообщает, что в целях улучшения снабжения магазинов и ликвидации перебоев в продаже товаров достаточного ассортимента увеличивается завоз товаров в магазины в ночное время. До 40 процентов предприятий переведены на ночную доставку молока, молочных продуктов, хлеба и хлебобулочных изделий и других товаров. Лица, по вине которых допускаются перебои в продаже товаров повседневного спроса, привлекаются к строгой ответственности. Ассортиментный минимум товаров должен быть вывешен во всех магазинах — таков приказ торга. 27 марта проведено общегородское совещание продавцов, на котором особое внимание было обращено на ответственность каждого работника за наличие в продаже товаров, в первую очередь в утренние и вечерние часы.

Вместе с тем, — пишет начальник управления, — следует отметить, что в ряде случаев перебои в продаже товаров наступают по вине поставщиков. В Москве имеются специализированные оптовые организации, призванные накапливать и подсортировать товары для доставки их в магазины по согласованным графикам, что позволяло бы обеспечивать широкий и устойчивый ассортимент. Но из года в год увеличивается завоз товаров транзитом непосредственно в адрес торгов вагонами. Это не обеспечивает равномерного поступления товаров, а также значительно сокращает их ассортимент. Ведь в вагонах, как правило, прибывает товар одного-двух наименований. В этом случае торги лишены возможности влиять на расширение ассортимента товаров».

В редакции сначала даже не поверили такому — зачем же действительно небольшому магазину целый вагон одинаковых продуктов? Вскоре, однако, корреспондент «Огонька» смог убедиться, что такая практика стала обычной для некоторых транспортных и промышленных организаций. Транзитом завозится, скажем, минеральная вода — вагон воды одного наименования в одно место! — и покупатели магазинов одного района вынуждены покупать воду только эту и никакую другую.

До сих пор не внедрена прогрессивная форма доставки товаров по часовым графикам. В Москве по такому графику доставляются только хлеб и хлебобулочные изделия. И это самым благоприятным образом сказывается на устойчивости ассортимента. Что же касается других товаров, особенно продуктов с ограниченным сроком реализации, то по ним часовые графики не внедряются. Более того, известно много случаев несвоевременного выполнения заказов магазинов на доставку товаров даже по ранее согласованным графикам. Все это очень отрицательно влияет на продажу товаров достаточного ассортимента.

В заключение С. В. Хрущев подчеркивает, что недостатки, отмеченные в работе магазинов Нуйбышевского райпищеторга и «Диетторга», устранены.

...Если говорить о проблеме в целом, ответ надо считать достаточно полным. Он многое объясняет и дает возможность оценить работу не только тех магазинов, о которых писал «Огонек», но и других — подобных. И не только столичных. Магазины, о которых шла речь, сейчас улучшили свою работу. Это говорит о том, что возможности для устранения недостатков, о которых писал «Огонек», есть, но подчас не используются и эти возможности и имеющиеся резервы. А главное — нет необходимого контроля. Видимо, именно эта проблема, проблема контроля, сейчас особенно остра. «Доверяй, но проверяй», — как говорится... Факт — многие другие магазины остались прежними, словно бы это их не касается, там ограничили обсуждением, о котором пишет начальник управления, и, с облегчением подумав: «не нас же критиковали», — ничего или почти ничего не сделали для налаживания более четкого обслуживания покупателей...

Надо заметить, что организация московской торговли претерпела в последние годы изменения в лучшую сторону. Но это обстоятельство не должно заслонять еще имеющиеся недочеты.

Обратимся еще к одному примеру. Магазин № 4 на Университетском проспекте. Удивительная практика его работы. Корреспондент «Огонька» провел несколько часов в торговых залах магазина — вел своего рода хронометраж. С утра на прилавках не было творога. Не завезли? Ничего подобного. Творог был... на складе. «Не успели еще выложить на прилавок». Творог появился, но в час, когда утренние покупатели, те, кто забегал сюда, чтобы к завтраку купить пакет молока или пачку свежего творога, уже ушли на работу. Случайная оплошность? Едва ли. Слишком уж регулярны «случайности» в практике работы этого магазина. Тоже факт — не было на прилавке соли... Магазин № 1 того же Гагаринского райпищеторга не имеет в продаже... сахара.

К приказам же отношение своеобразное. Порой их словно не замечают. Создается впечатление, что далеко не все директора магазинов следуют в своей повседневной практике пунктам и параграфам приказов министерства

торговли, торгов, разработанных ими правил. Как в таком случае быть? Едва ли есть резон увеличивать число проверяющих инстанций. Признаться, их и сейчас слишком много — это тоже нарушает ритм работы. Но не мешало бы предусмотреть возможность самой широкой «инспекторской деятельности» (не в прямом смысле этого понятия) со стороны самих покупателей. Но для того, чтобы это стало повседневной практикой, покупателям продовольственных магазинов надо быть осведомленными о своих правах.

Необходимо во всей полноте и четкости информировать покупателя о положении дел. Далеко не всегда виновата торговля. Покупатель же пока все свои претензии обращает только к ней, причем иногда и несправедливо. Это вносит во взаимоотношения продавец — покупатель излишнюю раздражительность. Почему бы не появиться в торговом зале небольшому объявлению: «Молока нет потому, что его не прислал молочный комбинат №...»? Тогда на стороне торгов окажется и широкая общественность. Сейчас же в магазинах нет никакой информации. Магазин № 74 Дзержинского райпищеторга. В торговом зале, на том самом месте, где когда-то висел ассортиментный минимум, сейчас вывешен плакат с текстом обязательств работников магазина. Один из основных его пунктов: перевести торговлю молоком и прочими подобными продуктами в отдел самообслуживания. Такую бы заботу приветствовать, но одно обстоятельство начисто перечеркивает этот пункт. Два года назад молочные продукты уже продавались в отделе самообслуживания — там до сих пор стоит охлаждаемый прилавок, правда, отключенный (с кого-нибудь взыскали за его простой?). Администрация магазина самовольно ликвидировала доброе дело, а теперь как благо, как заботу о покупателе готовится сделать шаг, уже сделанный несколько лет назад. Иначе как очковитательством такой пункт обязательств не назовешь. Может, кто-то указал на это дирекции магазина? Ничуть не бывало... Вот и сейчас прочтут эти строки, вероятно, признают правильность отмеченного, заставят выправить положение, а все остальные огрехи оставят незамеченными?..

Может, начать с того, чтобы добиться выполнения прежних приказов — и об ассортиментном минимуме тоже. Конечно, не только в тех магазинах, которые здесь упомянуты.

Кто проверяет выполнение приказов? Прежде многие магазины находились под контролем общественных организаций соседних заводов, фабрик, предприятий. А теперь?

Было бы неправильным всю вину за нечеткую организацию дела перекладывать на плечи только организаторов торговли. Вот уже несколько лет московское Управление торговли продовольственными товарами пытается наладить четкий часовой график завоза продуктов (особенно скоропортящихся) в магазины. Пишет письма, уговаривает, настаивает, ссылаясь на соответствующее решение исполкома Моссовета — еще от 12 января 1971 года. Тщетно! Поставщики обещают, принимают свои решения и... часто не выполняют их. Для завоза многих продуктов необходим четкий график. Но, к сожалению, положение дел таково, что имеются большие возможности «легально» его нарушать. Торговля пытается поломать подобную практику, но натывается на непонимание (или нежелание понять?) со стороны промышленности... Хотелось бы всячески поддерживать усилия торга; магазины, как думается нам, должны с точностью до часа знать, когда привезут те или иные, особенно скоропортящиеся, продукты.

Решение исполкома Моссовета, в частности, обязывает «...увеличить частоту завоза». Но, как ни стремится торговля к такому порядку, его не ввели — из-за нечеткости, которую следует отнести прежде всего на счет промышленности.

...Ныне торги охотно и гласно чувствуют победителей соревнования. И это замечательно! Пусть так и будет. Но пусть за «спинами» лучших магазинов не скрываются магазины-середнячки или, того хуже, отстающие. Тот же магазин № 4 устойчиво посредствен. Вот и пусть найдутся соответствующие слова и оценки у руководителей торга.

Мы не начинали бы этого разговора, если бы дело касалось только упомянутых магазинов. Редакция принимает к сведению полученное письмо — проводимая управлением торговли работа позитивна. Но нужны все же гарантии того, что изданные приказы будут выполняться. Где такие гарантии, в чем они? Видимо, должен быть более четкий контроль за их выполнением. Никто ведь не требует птичьего молока, но товары достаточные, имеющиеся на базах и складах, всегда должны быть на магазинных полках.

ТАЛЬ, СНОВА ТАЛЬ!

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Б

лизится сезон шахматных турниров самого высокого уровня. В июне в СССР и в Бразилии состоятся два межзональных тура. 36 сильнейших шахматистов мира (из них 12 советских) определяют шестерку лучших, к которой присоединятся два экс-чемпиона мира — Б. Спасский и Т. Петросян. Кто же имеет наибольшие шансы на встречу с Робертом Фишером в 1975 году? По результатам, показанным на протяжении последнего года, самые большие шансы у Михаила Талья.

Имя молодого гроссмейстера привлекло всеобщее внимание в 1960 году, когда он отнял титул чемпиона мира у Михаила Ботвинника, причем поразил всех блестящим стилем своей игры. Таль стал чемпионом мира в 24 года — событие небывалое в шахматной истории. Но шахматист хорош, пока одерживает победы (победителя ведь не судят), когда же Таль с треском проиграл матч-реванш Ботвиннику, все (в том числе и я) стали писать о второй весне Ботвинника. Что же касается Талья, то его начали критиковать и даже упрекать за «авантюристический» стиль игры. А тут еще после матч-реванша у Талья пошла долгая полоса неудач, срывов, даже провалов, и по газетным полосам пошла гулять «загадка Талья». А загадки тут не было. Мало кто знает, что очень часто Таль выступал после тяжелого почечного приступа.

Таль поставил на ноги тбилисский профессор Аршба, и Таль заиграл просто с бешеной силой. Экс-чемпион мира был первым в Сухуми, на чемпионате СССР в Баку, на традиционном турнире в Вийк-ан-Зее (Голландия) и в очень сильном по составу турнире в Таллине. Надо еще прибавить успешное выступление Талья на Олимпиаде в Скопле, где он на своей доске достиг лучшего индивидуального результата. Сыграв во всех этих турнирах 82 партии, Таль не потерпел ни единого поражения!

Приводим великолепную партию, в которой Таль на турнире нынешнего года в Таллине победил Б. Спасского:

Б. Спасский — М. Таль
Защита Нимцовича.

1. d2 — d4	Kg8 — f6
2. c2 — c4	e7 — e6
3. Kb1 — c3	Cf8 — b4
4. Cc1 — g5	h7 — h6
5. Cg5 — h4	c7 — c5
6. d4 — d5	b7 — b5
7. d5 : e6	f7 : e6
8. c4 : b5	d7 — d5
9. e2 — e3	0 — 0
10. Kg1 — f3	Фd8 — a5!

Этот острый вариант охотно применяет белыми Спасский. Немецкий мастер Либерт сыграл с ним робко 10...Kbd7. Таль применил «силовой прием», который ставит перед белыми сложные задачи.

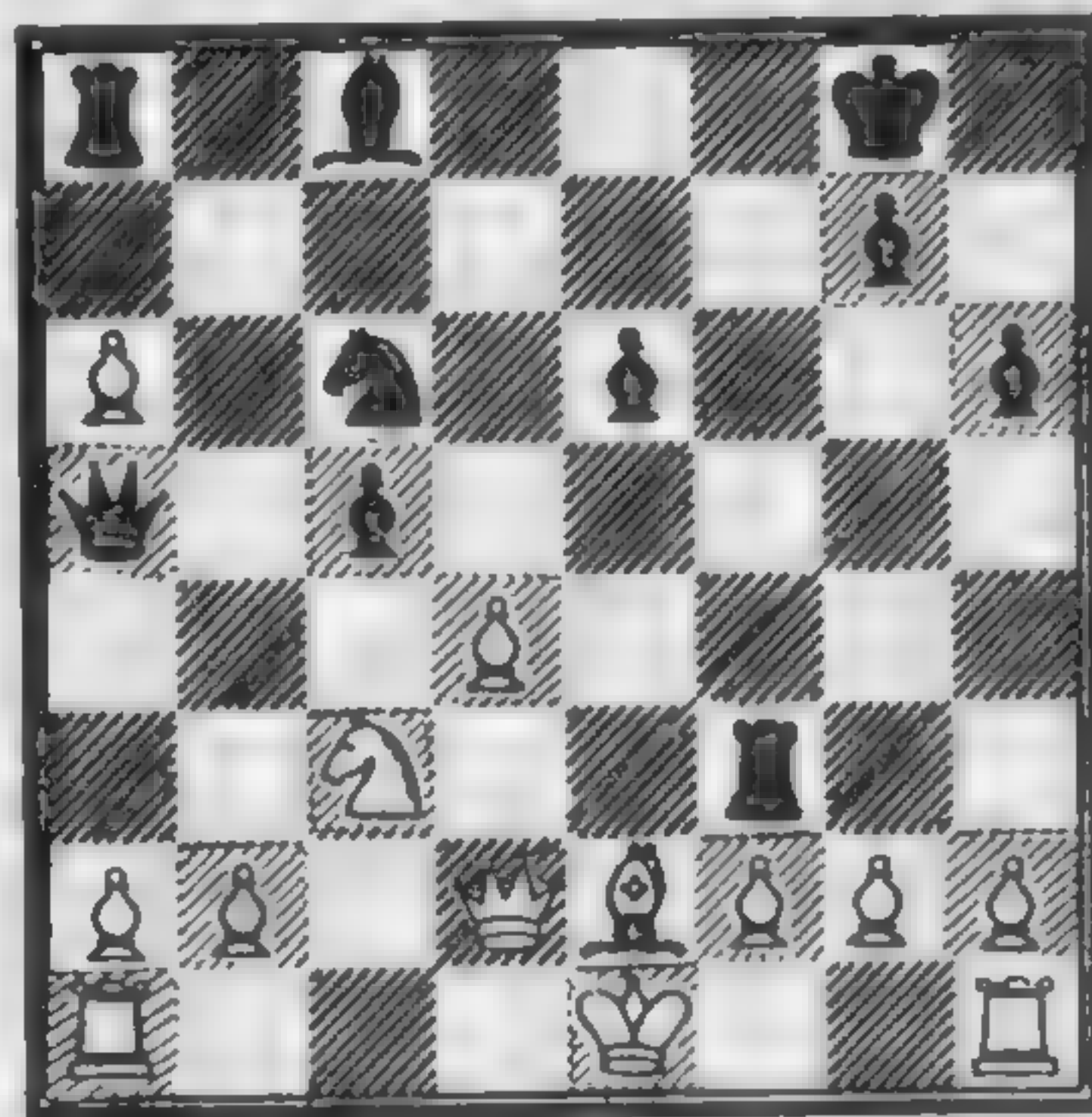
11. Ch4 : f6	Lf8 : f6
12. Фd1 — d2	...

Не без основания критиковали Спасского за ход, который, по мнению аналитиков, надо было заменить ходом 12. Лс1 или 12. Се2.

12...	a7 — a6
13. b5 : a6	Kb8 — c6
14. Cf1 — e2.	d5 — d4

Начало далеко рассчитанной комбинации, которую Таль имел уже в виду, когда сыграл 12...a6.

15. e3 : d4	Lf6 : f3!
-------------	-----------

Экс-чемпионы мира всего за 15 ходов сумели создать оригинальную ситуацию. Спасскому нужен один ход, чтобы завершить свое развитие. Однако энергичной жертвой качества Таль не дает партнеру желанной передышки. Типичная для Талья «заваруха» началась!

16. Се2 : f3	c5 : d4
17. 0 — 0	...

Спасский находит лучший выход из положения. Казалось бы, что вполне возможно было 17.Лс1, но в этом случае, как доказал Л. Шамкович, после

17. ... С:a6! 18. С:c6 Лd8 белым не избежать пожара.

17...	d4 : c3
18. b2 : c3	Cb4 : c3
19. Фd2 — d6	Ла8 : a6
20. Cf3 : c6	Cc3 — b4
21. Фd6 — b8	Ла6 : c6
22. Ла1 — c1	Cb4 — c5

В результате сложнейшей игры черные приобрели два слона за ладью. Но дела Спасского нельзя считать безнадежными.

23. Лс1 — c2	Фа5 — a4
24. Фb8 — b3	Фа4 — f4
25. Фb3 — g3	...

Спасский, утомленный отражением талевских угроз и уже находясь в цейтноте, допускает серьезную ошибку. Гроссмейстер В. Корчной доказал, что отличные шансы на ничью давало продолжение 25. Фf3! Ф:f3 26. gf5 27. Kph1 Cb7 28. Лb1 Лb6 29. Л:b6 C:f3+ 30. Kpg1 C:b6 31. a4 и при всем уважении к двум слонам не видно, как черным побеждать.

25...	Фf4 — f5
26. Лf1 — c1	Cc8 — b7
27. Фg3 — f3	...

Или 27. Фb8+ Kph7 28. Ф:b7 C:f2+ и черные выигрывают.

27...	Фf5 — g5
28. Фf3 — b3	Лс6 — c7
29. g2 — g3	...

Теперь и 29. Фg3 не помогало из-за 29... С : f2+! У Талья снова сильнейшая атака.

29...	Cc5 : f2+
Заклучительная комбинация.	
30. Kpg1 : f2	Фg5 — f6+
31. Kpf2 — e1	Фf6 — e5+
32. Kpe1 — f1	Cb7 — a6+
33. Kpf1 — g1	Фe5 — d4+
34. Kpg1 — g2	Фd4 — e4+
35. Kpg2 — g1	Ca6 — b7
36. h2 — h4	Фe4 — h1+
37. Kpg1 — f2	Лс7 — f7+
38. Kpf2 — e2	Фh1 — e4+

Белые сдались. Победоносная серия Талья была прервана в московском матч-турнире трех сборных СССР. Экс-чемпион мира Таль проиграл обе партии нашему молодому гроссмейстеру Ю. Балашову. Но, как говорится, нет худа без добра. Не надо быть Эйнштейном, чтобы подсчитать, что вечным ничего не бывает и что после многих успехов Талья было логичным ожидать неудачи. Так не лучше ли для Талья, что эта неудача произошла в товарищеской встрече? Теперь же можно полагать, что в предстоящем межзональном турнире в Ленинграде мы увидим начало новой победной серии Михаила Талья.

И С

РОБИНЗОН НАШИХ ДНЕЙ

Больше десятка лет знаю Станислава Алексеевича Бугрова, ученого-медика, и не перестаю удивляться его необычным поездкам по белу свету. «Где побывал?» — спрашиваю его при очередной встрече в Москве. Всякий раз Станислав Алексеевич называет отдаленные, экзотические уголки земли: «В пустыне»... «В тайге»... «В океане»...

При разговоре выясняется, что он забирался в самые безлюдные, глухие места. В пустыню — так в раскаленные пески, без единого кустика, в тайгу — так в дремучую, где не то что людей, а и медведя не встретишь, в океан — так на легкой посудине, чаще на резиновой лодке, в полном одиночестве... «Интересно было?» — спрашиваю я. «Еще бы!» «И тяжело?» «Не без того, конечно», — признается он. Все-таки первое заметно перевешивает, и он рассказывает о своих постоянных скитаниях с увлечением, романтической страстью. Бугров — чистой воды романтик.

Отсюда, видимо, и безудержный интерес его к научному поиску.

Цель научной работы Бугрова и его коллег — помочь человеку, который по каким-то причинам (а причин таких может оказаться огромное множество, особенно у людей так называемых опасных профессий — геологов, моряков, летчиков) попадает в тяжелую, неблагоприятную для существования обстановку. Иначе говоря, при помощи научных методов помочь ему спастись, выжить, продержаться как можно дольше и в пустыне, и в океане, и в тайге, если у него ограниченные, а то и минимальные запасы пищи, воды. Я уже не говорю о том, что подобные опыты с «выживанием» необходимы для подготовки космонавтов.

Станислав Алексеевич поначалу сам на себе проводит испытание на «выживаемость», сам первым держит экзамен в грудных местах, находит границы безвредности жажды, голода, холода, одиночества, тот самый оптимальный вариант, который необходим человеку. Затем идет проверка на других испытуемых, разных по возрасту, физическому состоянию. Другие идут по его следу — он первопроходец.

Первые... Это люди особой породы, закваски, на них падают и особые сложности. Не раз я хотел написать о Бугрове, но он противился: «Не я же один там бываю, зачем обособлять?» Наконец, я заручился поддержкой его руководителя, и Станислав Алексеевич сдался. «Только без героики», — попросил он. — На первом плане покажите общественную пользу и наш нелегкий испытательный труд».

— Где было всего труднее? — спросил я.

ПЫТАТЕЛИ

— Пожалуй, в пустыне, — после некоторого раздумья сказал он.

Он достал из стола общую тетрадь и предложил:

— Почитай, если хочешь. Это мой личный «пустынный» дневник.

Мы договорились: я читаю его записки, а потом он что-то дополняет, разъясняет.

Я ЗАВИДУЮ ВАМ

«Не могу забыть глаза испытателей, которых мы не могли взять с собой».

Из дневника Бугрова.

Пока мы собирались в пустыню, меня бесконечно атаковали испытатели: «Возьмите». Скажу без преувеличения: все хотели поехать. Отказывал — обижались. Один даже расстроился: «Понимаешь, раньше времени сдал экзамены в институте, с женой договорился... Как же теперь быть?»

Видели бы, как ребята смотрели на нас, отъезжающих. Какие были грустные глаза! В каждом взгляде можно было прочесть: «Я завидую вам». Спрашивается, чему завидовать? С точки зрения обывателя их стремление, возможно, выглядит странно. Пустыня не такое место, куда может рваться человек. Ничего там хорошего не найдешь, кроме тяжелых испытаний. Это все знали и все-таки стремились побывать в пустыне. Зачем?

Я бы ответил так: каждого человека манит к себе необычное, неизведанное. Интересно проэкзаменовать себя на самом трудном: кто ты, что можешь, на что способен? У испытателя, истинного испытателя, это чувство особенно сильно. Такой народ хлебом не корми, дай только почувствовать неведомое. Ради необычного поиска они пойдут на край света. Ничем не оторвешь их от выбранной стези. Так же, как летчика от неба.

САМОНАСТРОЙ

«В пустыне — свой самонастрой».

Из дневника Бугрова.

Я высадился в глубине песков. Огромные, голые барханы, без кустика саксаула, без единого живого существа, если не считать ящериц и змей. По-спортивному место высшей категории. А попросту где-то у черта на куличках. Посмотрел на карту — ближайший колодец за восемьдесят километров, пастбище — за сотню. Ясно: прорываться через пустыню нет смысла. В таких условиях, как подсказывает опыт, нельзя тратить попусту силы, они еще пригодятся потом. Подсчитал: на сколько хватит воды? Оптимальная, «пустынная норма» — шесть-семь литров в сутки. Это проверено давно. «Чтобы не обезводить организм, хватит на сутки 3—4 литра», — решил я. Тогда можно продержаться в пустыне

подольше. Когда спасут меня, неизвестно. Пища меня не волновала. Все время под палящим солнцем — какой уж тут аппетит! А вот жажда...

Хуже всего — мелкая, слепящая глаза пыль. Везде она лезет: и в рот, и под одежду, и в уши. Лицо пришлось сразу же прикрыть марлей и, несмотря на жару, потуже запахнуть куртку. Днем я не раздевался. Видели, какие халаты и папахи носят туркмены? Мудро они приспособились к пустыне.

Но одно дело — чужой опыт, который знаешь по книжкам, разным советам, и другое — свой, еще не накопленный. Пока я новичок в пустыне, брошен как не умеющий плавать в большую реку — выплывай, мол, сам. Все постигаю на себе.

Вначале соорудил тент от солнца из надувной лодки и парашюта. И самонастроился на длительное «выживание», на строгую экономию в воде, на осторожность с раскаленным солнцем, песком. Но в пустыне все не предугадаешь, не прогнозируешь. Да и сам себя еще плохо знаешь, хотя и врач.

ОДИНОЧЕСТВО И ЖАЖДА

«Самые главные барьеры — одиночество и жажда».

Из дневника Бугрова.

Пожалуй, нигде ты так остро не чувствуешь одиночество, как в пустыне. Особенно ночью. Какая-то неподвижность, тишина. А если задует ветер, понесет песок, ты словно покинут, отделен от всего мира. В океане лучше. Океан дышит, его чувствуешь всем существом, как что-то живое. А здесь что-то гнетущее, тяжелое. Долго ворочаешься от напряжения, никак не уснешь.

Еще досаждают змеи, фаланги, скорпионы. Знаешь, что они не так опасны летом, как весной, но все-таки могут ужалить. Зашуршало рядом, вскакиваешь, перетряхиваешь свое ложе. Чаше всего приползают безвредные ящерицы. Не берусь судить о других, но я побаивался змей. Но теперь я знаю: страхи мои преувеличены. За все время пребывания в пустыне — потом я был еще два раза, вместе с другими испытателями — только издали видел змей. Они сторонятся человека.

К темноте, тишине и однообразию нелегко привыкнуть. Но нет худа без добра: сколько за пустынные ночи я передумал! Иногда, кажется, приходили и полезные идеи. На третью или четвертую ночь я научился спокойнее спать. И даже как-то осваиваешься с положением Робинзона. Один на один с пустыней? Ну и что? Можно жить.

Вот только к чему нельзя привыкнуть — к постоянной жажде. Без конца — и днем и ночью —

хочется пить. Глоток воды дороже всего. Ночами снятся озера, реки. Утолял в них жажду и не мог утолить.

Везде испытателю нужно терпение. А здесь — сверхтерпение.

ЧАСЫ «ПИК»

«Сколько тревог мне доставили эти часы «пик»!»

Из дневника Бугрова.

Самое тяжелое время — часы «пик». Бывают они каждый день, примерно с 13 до 18 часов, когда особенно жгучее солнце, раскален песок, перегрето тело, сильнее, чем раньше, одолевает жажда... Как ни высок твой настрой, именно в эти часы в полную силу борешься с собой. Потом, во вторичном пустынном эксперименте, некоторые испытатели свое отчаяние выливали в дневниках: «К черту! Все хочется бросить!», «Как мне надоела эта гнетущая пустыня!» Но, однако, все пересилили себя.

В часы «пик» я, вспомнив вычитанную из книги историю, пытался зарыться в песок. Возможно, кому-то это и помогало, мне, наоборот, стало хуже — пустая трата сил. Слышал, облегчает состояние и удерживает в организме воду малая доля соли. Я взял щепотку и запил глотком. Что было со мной! Еле пришел в себя. В последующем эксперименте один наш испытатель по своей инициативе съел полтора грамма соли и запил ста пятидесятью граммами воды. Он сразу потерял сознание. Тепловой удар. Пустыня не терпит легкомыслия, самостоятельности.

Ох, как трудно сдержаться, не выпить побольше воды в часы «пик»! Вот где проверяется сила воли человека! Во втором эксперименте я считал самым надежным испытателя Дюлюса. Какие

только он не выдерживал перегрузки, какие не прошел экзамены! Смотришь на него и любишь — красивый, стройный, сильный, мышцы, мощная грудь...

И вот этот геркулес не устоял перед жаждой — залпом выпил много воды. Тотчас же — обморок, сильные боли в кишечнике. Его сняли с эксперимента. Позже он признался: «Потерял контроль над собой». Еще позже сказал: «Еще не научился в жизни терпеть». Все-таки у Дюлюса есть и объективное оправдание: новичку труднее акклиматизироваться в пустыне.

СИЛА ЧЕЛОВЕКА

«Предела нет».

Из дневника Бугрова.

Как руководитель эксперимента я пробыл в пустынных песках пять с половиной суток, потом еще пять и трое суток. Много это или мало? Видимо, не так уж много. Если бы хватило воды, я бы остался там и подольше. Пять суток существования в «гибельных» местах с ограниченным запасом воды, пищи — далеко не предел. Человек сильнее, чем он сам думает о себе. В тяжелых ситуациях он как бы включает второе дыхание и с честью для себя одерживает поединок с пустыней. Мы искали оптимальные варианты. А предел возможностей человека нельзя определить. В каждом отдельном случае он зависит не только от запасов воды, пищи, а от морального духа, внутренней силы.

...

Недавно я позвонил Бугрову. Мне ответили: «Он в командировке». Опять в какой-то интересный уголок земли отправился мой старейший друг. Счастливого «выживания», Станислав Алексеевич!

На четвертые сутки эксперимента осмотро врача.

Джеймс Олдридж с супругой в редакции журнала «Огонек».
Фото А. Награльяна.

Редакцию журнала «Огонек» 16 мая посетили лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», известный английский писатель Джеймс Олдридж с супругой. Писатель выразил чувства огромной радости в связи с присуждением ему высокой премии, поделился своими творческими планами.

Джеймс Олдридж сказал:
— Я старый друг вашего журнала, его читателей и всего советского народа. Желаю всем вам, мои братья по борьбе за мир, самых больших успехов в тех планах, которые вы наметили на благо своей страны, во имя всеобщего мира на земле.

ВСТРЕЧА СО СТУДЕНТАМИ

На факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова состоялась встреча сотрудников «Огонька» с преподавателями и студентами факультета. Члены редакционной коллегии «Огонька» А. Софронов, Д. Большов, Д. Бальтерманц, И. Долгополов, фотокорреспондент редакции Г. Копосов, писатель М. Андриасов рассказали о работе журнала, о своих творческих планах, поделились с будущими журналистами опытом работы.

Студенты и преподаватели высказали свои пожелания «Огоньку».

ПОЖЕЛАНИЯ, ЗАМЕЧАНИЯ

Библиотека тбилисского окружного Дома офицеров совместно с библиотекой клуба имени Дзержинского собрала своих читателей на встречу с сотрудниками журнала «Огонек». В своих выступлениях контр-адмирал запаса М. Джинчарадзе, представитель Аэрофлота Ф. Ипатов, полковник запаса М. Карпенко и В. Зынов, читатели А. Сотников, А. Гегенава и другие высказали пожелания и критические замечания в адрес «Огонька».

Перед собравшимися выступили член редколлегии Л. Леров, фотокорреспондент М. Савин, познакомивший любителей фотографии со своими работами, и собкор «Огонька» по Занавназью И. Месхи. Огоньковцы рассказали о работе журнала, о его планах и телеэкранных проектах.

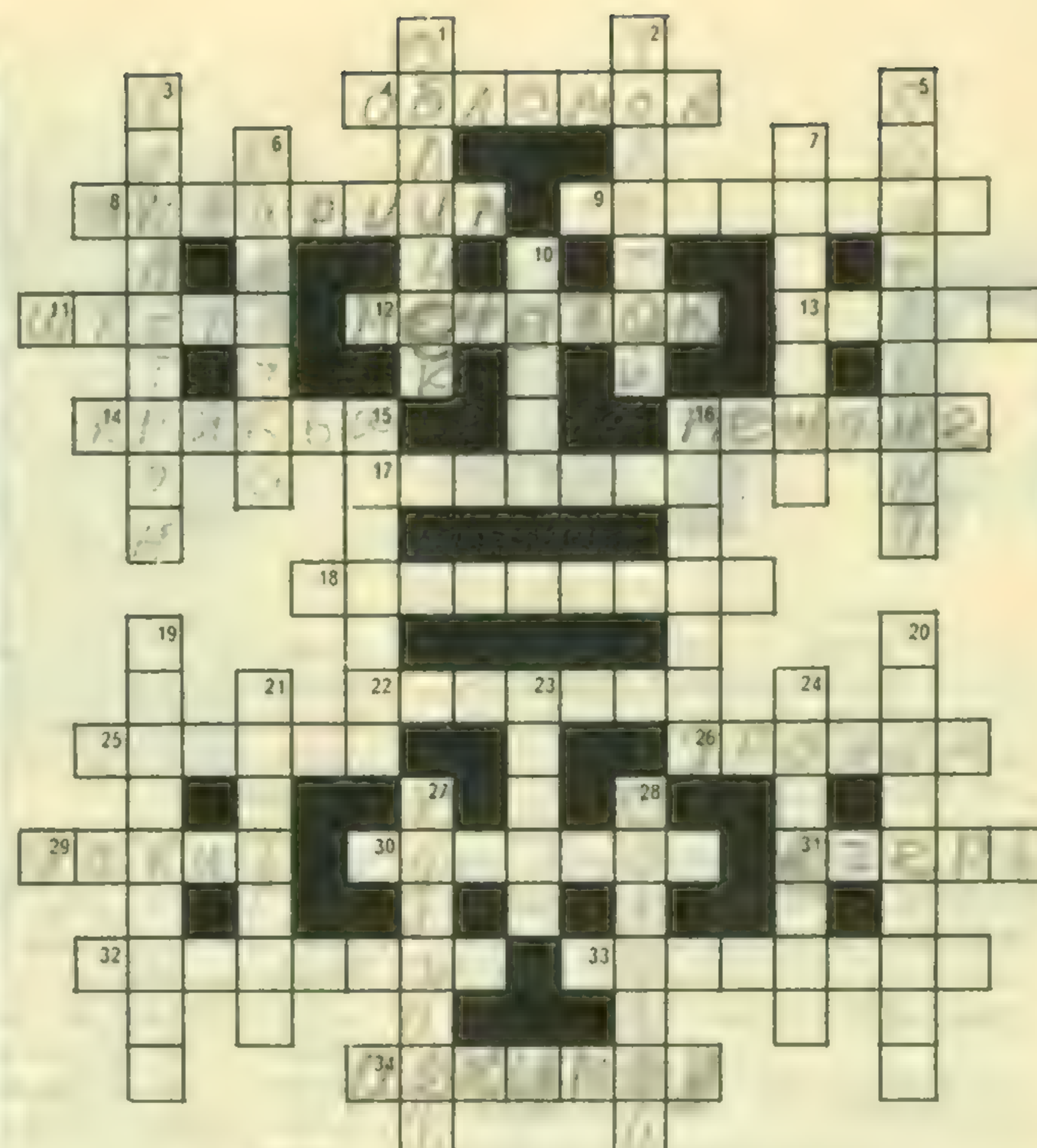
В Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран, открылась выставка фоторепортеров-огоньковцев, посвященная 50-летию журнала. Свыше двухсот цветных и черно-белых фотографий рассказывают о славном пути нашего государства.

Первые пятилетки, Великая Отечественная война, жизнь нашего многонационального народа — вот темы, которые представлены на этой выставке.

Эта выставка — фотолетопись жизни нашей страны.

Фото А. Бочинина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Роман И. А. Гончарова. 8. Искусственный водоем для рыб. 9. Неточная рифма. 11. Учебное заведение. 12. Соцветие кукурузы. 13. Приток Невы. 14. Птица семейства утиных. 16. Пьеса М. Горького. 17. Луговое растение. 18. Драгоценный камень. 22. Польский народный танец. 25. Высокая пальма. 28. Сетчатка глаза. 29. Набросок чертежа, рисунка. 30. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 31. Специалист в охотничьем хозяйстве. 32. Народный поэт Грузии. 33. Курорт в Италии. 34. Древнегреческий механик и математик.

По вертикали: 1. Место для возницы в санях. 2. Великий русский писатель. 3. Ускоритель заряженных частиц. 5. Театральное представление без слов. 6. Легкое торговое помещение. 7. Областной центр в Узбекистане. 10. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 15. Пустыня в Чили. 16. Медицинский работник. 19. Указатель скорости подъема и спуска самолета. 20. Аппарат для получения стали. 21. Штат в США. 23. Старинный русский город в Ярославской области. 24. Зодиальное созвездие. 27. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 28. Романс А. А. Алябьева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 5. Шагинян. 7. Стопа. 8. Октод. 9. Подшипник. 12. Лебедь. 14. Шланг. 16. Акация. 18. Гиппократ. 19. Стереотип. 20. Маргарита. 21. Патронат. 22. Формат. 24. Взвод. 26. Басоля. 30. «Нашествие». 31. Груша. 32. Пудра. 33. Ромашка.

По вертикали: 1. Ушаков. 2. Витрина. 3. Янонис. 4. Ателье. 6. Борода. 10. Великотов. 11. Дирижабль. 13. Диорама. 14. Швартов. 15. Готланд. 17. Кремона. 23. Моцарт. 25. Васюган. 27. Сатурн. 28. Гагара. 29. Лилея.

На первой странице обложки: Бонн, 18 мая. Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл с визитом в Федеративную Республику Германии по приглашению канцлера ФРГ В. Брандта. Встреча на аэродроме.

На последней странице обложки: Бонн, 19 мая. В Хофгартене, университетском районе Бонна, состоялась массовая манифестация, прошедшая под лозунгом «За дружбу с Советским Союзом, за безопасность в Европе, за прочный мир для нашей страны». В митинге перед зданием университета и в демонстрации на улицах Бонна приняли участие около 50 тысяч человек. На снимках: сверху — демонстранты на улицах Бонна; внизу — митинг перед зданием университета.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Соболева и В. Мусаэльяна и АП — ТАСС.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

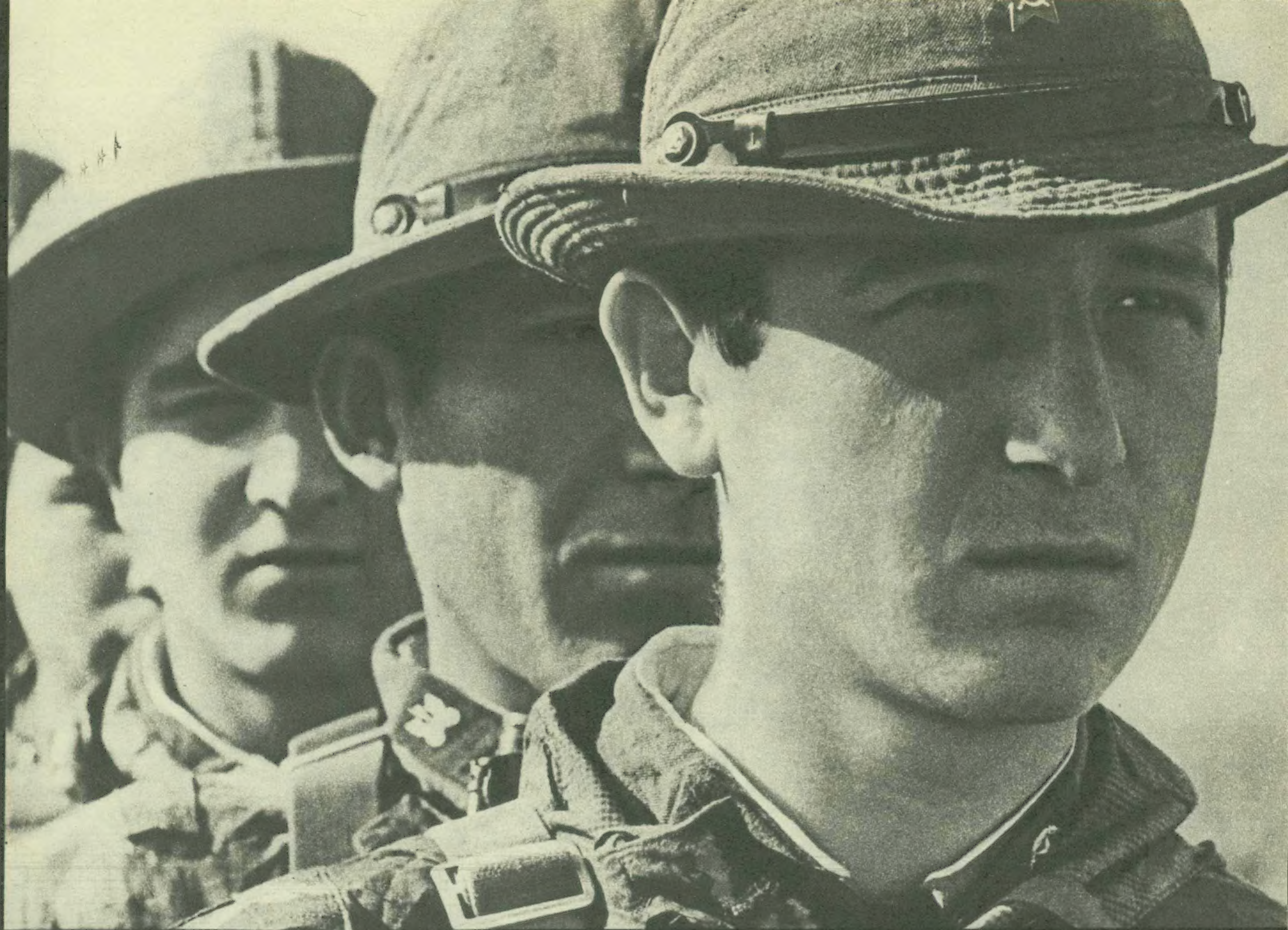
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/IV-73 г. А 00073. Подп. к печ. 22/IV-73 г. Формат 70 × 108¹/₂. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 955. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 546.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СУРОВАЯ ЧЕРТА

28 МАЯ — ДЕНЬ
ПОГРАНИЧНИКА

В

мае эта горная река превращается в могучий поток. Тающие в горах снега поднимают ее воды; они раскидываются широкими струями на галечных плесах, свиваются в тугие пенные жгуты в ущельях. Ясными утрами и вечерами, когда солнце зажигает на сине-снежных вершинах красные огни, река эта необыкновенно красива.

Но ни мощь, ни красота реки ни на миг не отвлекут вас от главной ее приметы: здесь проходит граница.

Граница. Строй полосатых пограничных столбов на берегах.

По ту сторону—чужая деревенька. словно бы кто-то нарочно выкрасил бурой краской зеленый склон, к которому прилепилась она. Сплошь вытоптана земля внутри околицы—ни кустика, ни деревца, ни единой былинки. Убогие буро-желтые глинобитные хижины. Вкривь и вкось тянутся глиняные дувалы. И глухо, безлюдно вокруг.

А почти напротив, на нашем берегу, тоже раскинулось село. Светлые, просторные дома из тесаного туфа, утопая в садах, выстроились вдоль прямых, асфальтированных улиц. Солнечные блики играют в переплетах веранд.

А главное—всюду весело и спорится пульс трудовой жизни.

Нет, граница, что идет по реке, не просто условная линия меж рядами пограничных столбов. Она разделяет два мира, две эпохи. Смотришь на противоположный берег—кажется, оглядываешься на далекое прошлое... И не думать об этом здесь просто невозможно.

Бывший чекист, ереванец Оганес Григорьевич Оганезов, один из первых пограничных начальников этих мест, вспоминает жизнь границы в первые годы Советской власти. В ту пору бандитские группы, до зубов вооруженные иностранными разведками, то и дело напа-

В. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

дали на погранзаставы, жгли села, грабили и убивали жителей.

В музее боевой славы пограничной части немало свидетельств жарких будней тех нелегких дней. Вы увидите, например, портрет первого орденосца части красноармейца Василия Красотина. Темной осенней ночью Красотин заступил в дозор. И вдруг рядом как будто шевельнулся мрак. Послышались чьи-то осторожные шаги. «Стои!» — крикнул Красотин. В ответ грянули выстрелы... И пограничник вступил в бой. Был дважды ранен. Но не покинул поста. И не дал уйти нарушителям.

Материалы музея поведают подробности поиска, преследования и разгрома сильных и опасных банд Тет-Мамеда, Нджея. О героях — участниках боевых операций пограничниках Чарушникове, Шагояне, Новикове, Анисимове, Шах-

назарьяне. О том, как крупная банда английского агента Бро неожиданно окружила заставу. И как жена начальника заставы Елена Михайловна Сотникова заменила сраженных пулями пулеметчиков и отстреливалась, пока не подошла подмога из комендатуры.

Все это случилось в прошлом. Но и сейчас граница не знает покоя.

— Недавно в штаб доставили двух нарушителей, — рассказывает заместитель командира погранчасти подполковник Анатолий Алексеевич Корчмит. — Так что работы у нас хватает. Нынче пограничнику мало быть просто метким и смелым стрелком. Надо еще до тонкости изучить повадки врага, уметь разгадывать его намерения, надо в совершенстве освоить сложную боевую технику, стать классным специалистом, получить спортивный разряд. Надо, на-

конец, подготовить себе смену, чтобы через два года, когда кончишь службу, твое место в боевом расчете занял бы умелый, опытный воин.

На погранзаставе, где начальником коммунист майор Иван Георгиевич Юсько, мы познакомились с прожекторным расчетом сержанта Юрия Пивоварова. Майор говорит о прожектористах с любовью, он знает о каждом все, что может знать только близкий человек. В его словах слышалась настоящая командирская гордость за своих подчиненных. И прожектористы заслужили ее. Не было случая, чтобы вышла у них заминка во время несения нелегкой ночной службы, чтоб отказал какой-нибудь агрегат, чтоб расчет хоть на мгновение запоздал дать луч, поставить световую завесу в направлении возможного прорыва нарушителей.

На границе—тревога!

Два члена расчета—шофер прожекторной установки ефрейтор Виктор Бабичев, которого парторганизация заставы недавно приняла кандидатом в члены КПСС, и сержант Пивоваров — нынешним летом кончают службу. Поэтому Бабичев несколько месяцев тому назад взял обязательство подготовить себе хорошую смену и сдержал слово — обучил своей профессии рядового Виктора Савченко, который теперь управляет в кабине прожекторной установки не хуже своего наставника.

Есть смена и сержанту Пивоварову. Расчет возглавит Михаил Вагинов.

Пограничникам приходится передавать свои знания не только товарищам по службе, но и местному населению. Без этого на границе нельзя. Офицеры погранзаставы и сам майор Юсько ведут занятия с членами добровольной

народной дружины. Ее начальник Армен Сукасян награжден знаком «Отличник погранвойск» II степени.

Вообще пограничников и жителей села связывает тесная дружба. Кружок самодеятельности заставы регулярно дает концерты в сельском клубе. А в День Победы делегация воинов непременно приносит венки к памятнику павшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной. Этот прекрасный памятник построен из камня и бронзы на средства, собранные колхозниками. Имена восьмидесяти семи сельчан начертаны золотом на его плитах. И восемьдесят семь фонтанчиков бьют из пятиконечной звезды у его подножия...

Ночью накануне того утра, когда мы приехали на берег пограничной реки, бешеный ее поток подмыл берегоукрепительную дамбу на нашей стороне.

Уцелевшая тонкая перемычка с трудом сдерживала напор. Вот-вот река прорвется, ринется на поля, смывая все на пути... Но ревут самосвалы, сбрасывая тяжелые каменные глыбы. Лязгая гусеницами, мощные бульдозеры надвигают грунт. Рана в дамбе постепенно затягивается. И река, вскипая сердитой пеной, медленно и неохотно отползает назад, в свое законное русло.

А по берегу уверенно шагает пограничный наряд. У ноги проводника неслышной трусцой бежит розыскная собака. Часовые-пограничники на вышках зорко оглядывают местность.

В полях на нашем берегу рдеют косынки колхозниц. Они работают спокойно. Они знают: границы не нарушить никому. Ни бешеному потоку реки, ни врагам, ежели попробуют они помешать их мирному труду...

В День Победы воины-пограничники пришли к памятнику павшим в годы войны.

Начальник погранзаставы майор И. Юсько.

Пограничники — взрослые и юные...

Воины любят послушать рассказы старожилов. На снимке (слева направо): рядовые Николай Шабиневич, Владимир Лещук и старейший колхозник Вартан Погосян.

**СССР-ФРГ:
ПО ПУТИ МИРА
И СОТРУДНИЧЕСТВА**

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.

